

РИНА РОФИ

**ХОДЯЧАЯ
СКЗВОЗЬ МИРЫ
ТЫ МОЯ**

Рина Рофи

Ходячая сквозь миры. Ты Моя

<https://litres.ru/74207659>

Аннотация

Привет всем, я Эмма — ходячая сквозь миры. Классно звучит, да? А на деле я лишь раз случайно открыла портал в Ад и чуть не угодила в вулкан. И вот уже 23 своих года живу в человеческом мире. Таких, как я, мало, так ба говорит, я ж кроме себя не знаю никого. Говорят, в нас течет капля крови драконов и умение повелевать порталами — последнее, что от неё осталось. Как старый намек на нашу родословную. Так ли это - мне неизвестно, со сверхестественным миром я не имею контактов, кроме Ба. Своих родителей не знаю... Ба говорила, они умерли, когда мне было полгода, но как умерли — молчит, как рыба. Ба не родная, но люблю, как свою. Она, между прочим, не кто-нибудь, а настоящая Яга. Вот так вот!

И вот мне 23 года и, расставшись с очередным человеческим парнем, я решила заглушить это все случайной связью в клубе для сверхсуществ.. Ба талдычила, что если барьер будет нарушен, стану заметна и меня вычислит какой-нибудь демонюка проклятый. Так и говорила. А до этого я, якобы, скрыта от взора. Отсюда, как понимаете, и проблемы с парнями. Платонические отношения им не нужны, всем подавай сразу десертик..Вот

надоело это хуже горькой редьки. Скрываюсь от какой-то мнимой угрозы, на которую даже намек нет.

И отсюда начинается мое приключение, не переключайтесь.

Нашла на свою голову и клуб, и развлечение, и демона, да не простого, а которому обещана по воле какого-то пророчества. Кто-то напророчил (читай, как подставил), а я разгребай! Где справедливость?! Бабушка?! А ты не хотела меня в курс дела ввести? Портрет там показать, имя сказать, что б не пересекалась. Я б, если знала, ни в жизнь!

Что ждет: -властный герой -смелая девушка -магия -разные миры -истинная пара -от ненависти до любви -любовь демона, попытки подчинить, борьба, юмор -18+ -подробные описания сцен

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, СКОРО ВЫЙДЕТ 2 ЧАСТЬ! Не переключайтесь, как говорится)

Содержание

Глава 1 Начало	5
Глава 2. Эммануэль Дионис	16
Глава 3 .Бежать	26
Глава 4. Обретение Самаэля	53
Глава 5. Хрупкое убежище	65
Глава 6. Реальность трещит по швам	80
Глава 7. Не про любовь	100
Глава 8. Напоминание	106
Глава 9. Осознание	114
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Глава 1 Начало

Моё сердце в тот день было не органом, а гробницей. В нём, среди осколков доверия и наивных девичьих фантазий, лежал новый тяжёлый, обледеневший камень — предательство Дима. Каждый его удар о рёбра отзывался тупой, ноющей болью. «Полгода встречались, и ты не дала!» — этот возглас преследовал меня, как навязчивый дух. А что я могла дать, если бабушкины предостережения висели над моей девственностью дамокловым мечом? «Раскроется сила, и демоны почуют...» Так и жила — в платоническом аду, где любое проявление чувств со стороны парня упиралось в глухую стену моих запретов.

Но сегодня эта стена рухнула. Не от любви, а от горького, ядовитого разочарования. Решение созрело мгновенно, кристально ясное и безумное: пора. Пора лишиться этого гика, этого клейма, ставшего причиной моего одиночества. Сделаю это с первым встречным в первом попавшемся клубе для «наших». Пусть это будет холодный, безликий акт, чтобы просто стереть эту веху, вычеркнуть её из списка проблем. От людей — один лишь геморрой. И вот будь что будет, иобо просто надоело. Видимых угроз нет, не видимых не видно. И правда, бабушкины предостережения казались и мне чем то из разряда старых сказок. Ни разу за всю жизнь ни одного выпада от демона, ни одного проявления, что меня зачем то

ищут. А раз так, может у предостережения вышел срок годности и я уже не интересна демонам, а жить тысячелетия в страхе и не попробовать секс..Блин, это звучит ужасно.

Дома, в тишине своей квартиры, я скинула платье, в котором пришла к нему, полная глупых надежд. Оно пахло его дешёвым одеколоном и ложью. Я швырнула его в дальний угол шкафа, возможно, навсегда. Надев короткую клетчатую юбку, обтягивающий белый топ и новенькие кеды, я поймала своё отражение в зеркале. Во взгляде горел вызов. Себе. Ему. Всему миру.

 Села за ноутбук
 Итак, самые горячие клубы Москвы для сверхъестественных существ, - набрала я в поисковой строке.. Хм... В топе бар «Перекрёсток» для сливок общества . Интересно. «Для заполнения анкеты свяжитесь по телефону». Ну, свяжемся.

Набрала номер. Мне ответил приятный, бархатный голос.
— Слушаю.

— Добрый день, я хочу посетить ваш клуб и, как поняла, нужно заполнить анкету принадлежности к сверхъестественному сообществу.

— Да, всё верно. У нас клуб без людей, поэтому, если вы вампир, то кровь под заказ.

— Нет... я не вампир.

— Хорошо. Имя, возраст, раса.

— Эмма, 23... — И тут пауза. Бабушка всегда говорила: не произносить, но это ж бар, что может случиться?

— Эмма, нужна еще раса, — мягко, но настойчиво напом-

нил голос.

 Я выдохнула.

— Ходячая сквозь миры.

На том конце провода повисло молчание. Такое густое, что его, кажется, можно было потрогать. Потом я услышала приглушённый возглас:

— Да ладно! Ну ничего себе, бля! Я думал, вас истребили! Микаэль, в твоей коллекции новая гостья!

Тут же трубку взял кто-то другой. Голос был другим — глубоким, бархотным, от которого по спине побежали мурашки.

— Добрый день, я владелец этого заведения. Не пугайтесь, я дракон. Очень приятно познакомиться с вами. Мы ждём вас сегодня вечером.

— Ого, как неожиданно... Вы Микаэль, тот самый? — выпалила я, вспомнив бабушкины рассказы о золотом драконе, коллекционирующем диковинки.

— Да, деточка, тот самый, — он рассмеялся, и в его смехе слышались нотки радости. — Всё записал. Жду!

 Связь прервалась. Я сидела, уставившись в экран телефона. Ну что ж, Ба всегда говорила: «Не суйся в драконье логово, если не готова быть добавленной в коллекцию». Но, какая разница? У меня в груди — камень, а впереди — ночь, обещающая стать куда интереснее, чем очередной вечер с тем ублюдком Димой и его вечными оправданиями.

 Вечером я стояла перед массивной, старинной дверью «Перекрёстка», затерявшейся на самой окраине Москвы. Воздух

здесь был иным — густым, плотным, пропитанным тысячью ароматов: шерстью оборотней, холодным камнем вампиров, сладким ядом нагов и чем-то ещё, древним и могущественным. Музыка, доносившаяся из-за дверей, была не просто набором звуков — она была зовом плоти, ритмом, что вибрировал в самой крови.

Очередь из сверхсуществ растянулась на добрых полсотни метров. Я чувствовала на себе любопытные, оценивающие взгляды. Чужак. Новичок. И тут мой взгляд упал на него.

Он стоял у входа, словно высеченный из мрамора и плоти. Высокий, с плечами квотербека, облачённый в чёрные кожаные штаны и белую рубашку, расстёгнутую до самого низа, открывающую идеальный рельеф торса. Его кудри, зоотистые, словно лучи солнца, ниспадали до плеч, обрамляя лицо с почти божественными чертами. Но главное — глаза. Золотые, как расплавленное солнце, горящие изнутри собственным светом. Они упёрлись в меня, и мир сузился до точки.

— Ооо, какая конфетка! — его голос был густым мёдом, в котором тонуло всё вокруг. — Деточка, ты в наш клуб? Чую интересную ауру...

Сердце заколотилось в груди, сжимаясь в комок нервов и странного, щекочущего предвкушения.

— Вы Микаэль?, - спросила аккуратно я

— Да, а ты?, - прищурившись, спросил дракон

— Эмма, — выдохнула я.

На его устах расцвела медленная, ослепительная улыбка. В ней было столько первобытной, животной силы, что у меня подкосились ноги.

— О, да это моя уникальная жемчужина! — он сделал шаг вперёд, и его аура, горячая и тяжёлая, окутала меня. — Дорогая, ты прекрасна! Сексуальна и опасна!

Я почувствовала, как краска заливает щёки. Его комплимент был не пустой любезностью, а констатацией факта, вызовом.

— Ой, не смущайся на правду, — рассмеялся он, и в его смехе слышались веселые, озорные нотки. — Ну всё, забегай в клуб, весь алкоголь за мой счёт. Там уже отличная компания собралась.

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить и слова, и шагнула внутрь, проходя мимо него. От его близости воздух вспыхнул, а по спине побежали огненные мурашки.

И я обомлела.

«Перекрёсток» был не клубом. Это была другая вселенная. Сводчатый потолок был копией ночного неба, но с тремя лунами, что медленно и величаво плыли по искрящемуся бархату. Воздух пах озоном после грозы, дорогим сигаретным дымом, пьянящими нектарами и магией. Чистой, неразбавленной властью. Здесь струились потоки сил, которые я чувствовала кожей — каждая пора на моём теле пела от их прикосновения.

Я протиснулась к барной стойке, чувствуя себя затерян-

ной песчинкой в этом водовороте могущества и красоты. За стойкой стоял он. Демон. Его улыбка была ослепительной и чуть опасной, а в глазах плясали чёрные огоньки. Я сглотнула комок в горле.

— О, наслышан, наслышан о Ходячей, — он щёлкнул пальцами, и между ними вспыхнуло маленькое, послушное пламя. — Не бойсь, у меня пара есть, — подмигнул он, и его взгляд скользнул по моей фигуре, быстрый, но на удивление приятный. — Меня, кстати, Алексей зовут. А ты Эмма?

— Да... — мой голос прозвучал сипло.

— Что будешь, Эмма?

— Что-нибудь... для того, чтобы забыться.

Его улыбка стала шире, хищнее и в то же время понимающей.

— Ооо, это моё любимое, — он взял в руки бокал, и его пальцы двигались с гипнотической грацией. — «Огненный драконий» коктейль. С огоньком., и вот возьми мою визитку, мало ли, что понадобится.

Я взяла темную прямоугольную карточку, на ней было написано "Алексий", консультант по сверхсообществу и просто хороший демон и номер телефона. Мда, так и разит самомнением. Убрала карточку в карман юбки.

 Алексей щёлкнул пальцами над бокалом, и пламя вспыхнуло — ослепительно-синее в центре, с оранжевыми языками по краям. Оно озарило его острое, с правильными чертами лицо, высветило насмешливые искорки в глазах и погасло,

оставив шлейф дыма и пряный, сладковатый аромат.

— Ничего себе! — вырвалось у меня, и я почувствовала себя неловкой девочкой, впервые попавшей во взрослый мир.

— Ты никогда демонов что ли не видела? — он смотрел на меня с нескрываемым любопытством, опершись локтями о стойку. Его близость была осязаемой, тёплой. — В Академии сверхсуществ «Предел» не училась что ли?

— Нет... — я потянулась за бокалом, чувствуя, как жар от напитка и его взгляда смешиваются в один коктейль. — Ба... воспитывала дома. Говорила, лучше держаться подальше от... ну, от всего этого.

Я сделала глоток. Пламя, что жило в напитке, обожгло горло, спустилось в грудь и разлилось по венам жидким, золотистым теплом. Оно согревало холодный камень внутри, заставляя его таять, а кожу — трепетать от тысяч крошечных иголок. Забыться? О, да. Это было именно то, что нужно.

— Жаль, — Алексей наклонился чуть ближе, его голос стал тише, интимнее. — Многое потеряла. Хотя... — его взгляд, тяжёлый и томный, медленно проплыл от моих щиколоток до губ, задерживаясь на изгибах тела. Этот взгляд был почти физическим прикосновением, от которого по коже бежали мурашки, а низ живота сжался тёплым, тревожным комком. — ...кое-что уникальное, я смотрю, всё же приобрела.

Он улыбнулся и отошел к другим клиентам.

 ...Я

опустошила бокал до дна, чувствуя, как «Огненный дракон» разливается по мне жидкой отвагой. Музыка, странная и завораживающая, вплеталась в ритм моего сердца, призывая двигаться. Я отодвинулась от стойки, кивнув Алексею, чей взгляд всё ещё неотступно следил за мной с томной усмешкой, и шагнула на танцпол.

Здесь, в центре вихря тел и магии, я позволила себе отпустить всё. Закрыв глаза, я отдалась ритму, чувствуя, как каждое движение разбивает оковы страхов и запретов. Моё тело изгибалось, юбка вздымалась вокруг бёдер, воздух свистел в ушах. Я была больше не Эммой-жертвой, Эммой-дурочкой. Я была Силой. Я была Опасностью. Я танцевала, сжигая прошлое в пламени настоящего, и это было пьяняще. И тут я почувствовала его. Присутствие. Не горячее и могучее, как у Микаэля, а другое — леденящее, пронзительное, словно зимний ветер. Оно подошло сзади, и всё моё существо замерло, сменив жар на настороженную прохладу. Сильные руки легли на мои бёдра, но их прикосновение было иным — не обжигающим, а властным, неумолимым. Он притянул меня к себе, и я ощутила спиной твёрдые, накачанные мышцы.

Я обернулась, и дыхание застряло у меня в горле.

Передо мной стоял он. Высокий, с телом, сошедшим с обложки брутального глянца, облачённый в простую чёрную футболку, облегающую каждый мускул, и чёрные кожаные штаны. Но главное — его лицо. Черты были настолько идеальными и резкими, что казались высеченными из льда рез-

цом безумного скульптора. А волосы... белые, как полярная ночь, коротко стриженные, оттеняли матовую бледность кожи. И его взгляд... пронзительно-холодный, цвета арктического льда, просканировал меня с ног до головы, в его глубине таилась бездонная, хищная пустота.

Он не сказал ни слова. Его руки на моих бёдрах сжались чуть сильнее, владея мной, заявляя права. Он не улыбался. Его ледяные глаза впились в меня, выискивая, вычисляя, пробуждая во мне странную смесь страха и пьянящего любопытства. Музыка сменилась на что-то более томное, ритмичное, чувственное. Моё тело, ещё секунду назад расслабленное в танце, напряглось под его властными ладонями. Но это было не отторжение. Нет. Это был вызов. Холод его ауры вступал в противоречие с огнём, всё ещё бушующим у меня в крови от коктейля. Контраст был настолько резким, что сводил с ума. Он начал двигаться, и его движения были не танцем, а ритуалом. Чёткими, сдержанными, полными сокрытой силы. Он вел меня, а я, загипнотизированная этим ледяным пламенем в его глазах, позволила. Мои движения стали медленнее, более осознанными, повторяя его ритм. Мы не сводили друг с друга глаз. В его взгляде не было ни капли тепла, лишь чистейшее, неразбавленное желание.

Одна его рука скользнула с моего бедра на талию, прижимая меня ещё ближе. Я ощутила каждый его мускул, каждую линию его тела. Воздух вокруг нас сгустился, стал тягучим, как смола. Он наклонился, и его губы почти коснулись мое-

го уха.

— Ты пахнешь иначе, — его голос был низким, без единой эмоции, и от него по спине побежали ледяные мурашки. — Не как они.

Он отклонился назад, чтобы снова увидеть мою реакцию. Его слова были не комплиментом, а констатацией. Естественно, я пахла по другому, я была другой

— А ты? — выдохнула я, едва слышно, мои пальцы невольно впились в его руки. — Кто ты?

Уголки его идеальных губ дрогнули в подобии улыбки. В ней не было ни дружелюбия, ни тепла.

— Тот, кто нашёл, как скрасить свой вечер.

Он не стал ничего объяснять. Вместо этого он развернул меня к себе, притянул и его губы нашли мои.

Его поцелуй был таким же, как и он сам — холодным, властным и безжалостно искусным. В нём не было страсти, в нём было что-то более древнее и опасное. Он не просил — он брал. Его язык, прохладный, вторгся в мой рот, и вкус его был, как морозный воздух на рассвете, с примесью чего-то металлического. Это было пугающе... и невыносимо соблазнительно. Всё моё тело отозвалось на этот холод диким, парадоксальным жаром. Бабушкины предостережения о демонах зазвучали в висках набатом, но было уже поздно. Слишком поздно.

Он оторвался от меня, его ледяной взгляд пылал теперь странным внутренним огнём. Его дыхание, ровное и холод-

ное, касалось моего разгорячённого лица.
 — Пойдём.

Это не было предложением. Это был приговор. Он взял мою руку, и его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья стальным обручем. Его кожа была прохладной, почти холодной, и это ощущение было таким же пьянящим, как и сам коктейль. Мы двинулись сквозь толпу, и она расступалась перед ним. В глазах обитателей клуба я читала нечто большее, чем просто уважение — смесь страха и почтения. Да кто он, черт возьми. Я шла за ним, утопая в вихре противоречивых чувств: леденящий страх, щекочущее нервы предвкушение и всепоглощающее, темное любопытство.

Он вел меня к роскошной лестнице, что вела наверх. К уединению. К точке невозврата. И я понимала, что тот первый, неловкий, «человеческий» план — трахнуться с первым попавшимся — начал свое исполнение. Жар в моей крови кричал «да», в то время как разум пытался выкрикнуть слова Ба. Но я заглушила все крики сознания, надоело, не сейчас. Сейчас я сама принимаю решение и пусть это будет ошибкой, но это будет моей ошибкой. А с проблемами я привыкла разбираться по мере их поступления.

Глава 2. Эммануэль Дионис

— Кто ты? — Спросила я, когда мы поднялись на второй этаж
— Зови меня Сэм – сказал он весьма таинственно
— Сэм.. хорошо..
Дверь в вип-покои закрылась с тихим, но весомым щелчком, отсекая нас от бушующего внизу хаоса. Воздух здесь был другим — прохладным, пропитанным ароматом дорогой кожи, старого дерева и чего-то ещё, неуловимого, что щекотало нервы. Я огляделась. Комната была просторной, с низким освещением, отбрасывающим длинные тени на стены. В центре стоял массивный диван, больше похожий на трон. Он, не спеша, подошёл к мини-бару, плеснул в толстостенный бокал янтарного виски. Звук ударившейся о стекло жидкости был громким в давящей тишине. Он обернулся, его ледяной взгляд скользнул по мне, изучая, оценивая.
— И что искала здесь ты? — его голос был ровным, без единой нотки любопытства, лишь констатация. — Приключение?
Я заставила себя выпрямиться, встретив его взгляд. Внутри всё трепетало, но я убрала свою страх, как ненужный аксессуар. Смущаться было нечего. Цель была ясна, как московское небо после дождя. — Да, — мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Первое. И единственное. Он медленно отпил, не сводя с меня глаз.
— Мм, интересно. Он приблизился, и пространство между нами сжалось до предела.

Его пальцы, длинные и удивительно тёплые, теперь, провели по моему бедру поверх ткани юбки. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но от него по всему телу пробежал разряд. Я не шелохнулась, позволив ему это. Моя кожа загорелась под его прикосновением, и я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— И ты меня не боишься? — спросил он, его губы изогнулись в едва заметную усмешку.

— Нет, — выдохнула я, глотая комок в горле. — Раз пришла.

— Хм, интересная ты. Как зовут?

— Эмма. — Эмма... — произнёс он, и моё имя на его языке звучало иначе — холодно, сладко, обладающе. Он как бы пробовал его на вкус, и от этого что-то ёкнуло глубоко внутри. Он медленно обошёл меня, словно хищник, оценивающий добычу, и опустился на диван. Одну руку он небрежно закинул на спинку, в другой всё ещё держал бокал. Его поза была позой полного владения ситуацией, этим местом, мной.

— И что же ты умеешь, Эмма? — его вопрос повис в воздухе, наполненный скрытыми смыслами и намёками. Я почувствовала, как по щекам разливается предательский румянец. Нужно было парировать. Сохранить лицо. Хотя бы на немного.

— А что нужно? — ответила я вопросом на вопрос, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Внутренне я молилась, чтобы он не распознал во мне неопытную девчонку. Конечно, позже он всё поймёт... но сейчас эта игра, это напряжение было пьянящим и волнующим. А внешне... внешне он был воплощением скрытых

фантазий любой девченки, горячим, сексуальным, мрачно-ватым. Самое то для первого раза. И, чёрт возьми, наверняка опыт богатый. Значит, сделает всё правильно, без этой дурацкой боли и неловкости.

— А ты, значит, вся такая загадка, — на его губах наконец-то появилась настоящая, хоть и короткая, улыбка. Она преобразила его ледяное лицо, сделав его невыносимо притягательным. — Ну что ж, иди сюда.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я сделала шаг, потом другой. Он протянул руку, не для рукопожатия, а властным жестом, приглашая на свой «трон» из его колен. Его пальцы обхватили моё запястье, и он усадил меня на него. Я ахнула, коротко и резко, едва сдержав возглас. Через тонкую ткань его штанов и моей юбки я с пугающей отчётливостью ощутила твёрдый, мощный бугор его члена. Он упирался в мою промежность, и волна жара накрыла меня с головой.

— А вот и смущаться начала, — прокомментировал он, его голос стал тише, гуще. — Значит, не такая уж и смелая всё-таки.

Прежде чем я нашлась что ответить, он наклонился и поймал мои губы своими. Этот поцелуй был уже другим — не таким холодным и исследующим, а более настойчивым, требовательным. В нём чувствовалась уверенность человека, знающего себе цену. Он оторвался, его дыхание было тёплым на моей коже.

— Красивая, — прошептал он, его губы скользнули по моей щеке к уху. — Только мне кажется, ты совсем не опытная.

— С чего ты взял, Сэм? — попыталась я

парировать, но голос предательски дрогнул.
 — Потому что смущаешься, — он откинулся назад, чтобы снова видеть моё лицо, его взгляд был пронзительным. — По тому, как замерла. По тому, как дышишь. Ну, да ладно. Раз пришла, значит, явно искала секса.
 — Да, — прошептала я, и в этом признании было странное облегчение.
 — Хорошо. — Его рука, тёплая и уверенная, скользнула под мой топ. Кожа к коже. Его пальцы нашли мой сосок, уже твёрдый и чувствительный, и сжали его — не больно, но властно, заявляя о своих правах. Я вскрикнула, мои пальцы впились в его плечи. В то же время его вторая рука, оставив бокал на столике, опустилась на мою ягодицу, сжимая её с той же самой, не оставляющей сомнений силой. Мир сузился до его прикосновений, до его дыхания, до всепоглощающего огня, что растекался из каждого места, которого он касался. Мысль о том, что будет дальше, пугала и манила одновременно, и я понимала, что обратного пути уже нет.
 — Какая ты вкусная, Эмма, — его шёпот был густым и влажным. — Аура интересная... и такая непонятная. Люблю загадки.

 Прежде чем я успела что-то ответить, он легко, будто перышко, подхватил меня под попу и перенёс на широкую кровать, утопающую в подушках. Мир на мгновение поплыл перед глазами. Он стоял надо мной, и в его ледяных глазах плясали тени, а на губах играла хищная улыбка. Его пальцы ловко расстегнули ремень, приспустили штаны, и... Боги. Он был огромный. Могучий и пугающий, он казался вопло-

щением самой его сущности — древней, безжалостной и не знающей преград.

— Как у тебя глаза округлились, Эмма, — усмехнулся он, наслаждаясь моим неподдельным ужасом и возбуждением. Я сглотнула, пытаясь прогнать сухость во рту. Он навалился на меня всем своим весом, и его тело, горячее теперь, как раскалённый уголь, прижало меня к шелковистой ткани. Его рука скользнула между моих ног, и одним резким движением он стянул мои трусики. Ткань порвалась с тихим шелестом.

— О-о, да ты мокрая, — констатировал он с одобрением в голосе. — Посмотрим, насколько опытная. Его палец, удивительно ловкий и точный, немедленно нашёл мой клитор, и я взвыла, впиваясь ногтями в его мускулистые плечи. Волны удовольствия, острые и невыносимые, заставили мое тело выгнуться.

— Красиво стонешь, — прошептал он, и его палец, скользнув ниже, с лёгким усилием вошёл внутрь меня. Боль была короткой и тупой, но достаточной, чтобы я замерла. Он почувствовал это мгновенно. Его палец замер в глубине. — О-о, девственница, — его голос стал тягучим, медовым, полным соблазна и торжества. — Так и знал. Ну, что ж, Эмма, развлечёмся.

Он медленно вынул палец, и я почувствовала, как всё внутри сжалось в предвкушении.

— Пожалуй, я бы даже тебя сделал своей фавориткой. Так сексуально губу прикусываешь... — его большой палец провёл по моей нижней губе, заставляя её дрогнуть. — Не сдерживайся. Стони.

И он вставил уже два пальца. Боль заста-

вила меня вскрикнуть и отпрянуть. Но его железная хватка удержала меня на месте. Его глаза блеснули диким огнём, он наклонился и губами поймал слезу, скатившуюся по моей щеке, слизав её.

— Ты прекрасна, — прошептал он, и в его голосе впервые прозвучала неподдельная, почти нежная страсть. — Ты волнуешь меня, Эмма. Знаешь, какое моё полное имя?

— Нет, — сглотнула я, пытаюсь совладать с дрожью, пробиравшей всё тело.

— Самаэль.

Воздух вырвался из моих лёгких, как из проколотого шарика. Самаэль. Имя, которое Ба шептала в самых страшных своих историях. Князь демонов, падший серафим, предвестник гибели. И как оказалось, моей.. Инстинкт самосохранения взревел внутри меня. Я резко дёрнулась, пытаюсь вырваться, отползти, убежать.

— Нет, Эмма, от меня не убегают, — его голос прозвучал как удар хлыста, полный ледяной власти. Он грубо повалил меня на спину, его сила была абсолютной. Раздвинул мои ноги шире, встав между ними. Кончик его члена, огромный и пугающий, упёрся между ног

— Тш-ш-ш, привыкай, — его шёпот снова стал обманчиво ласковым. — Ты мне понравилась. Сейчас... ещё чуть-чуть, и боль пройдёт. Останется только наслаждение.

Он начал входить. Медленно, неумолимо, растягивая меня, наполняя до предела, за которым уже не было ничего, кроме него. Я зажмурилась, стиснув зубы, пытаюсь сдержать крик. А потом был резкий, разрывающий толчок. Боль, острая и яркая, как удар молнии,

пронзила меня насквозь. Я чувствовала, как что-то рвётся внутри, и из моих уст вырвался сдавленный, горловой стон. В тот самый миг, когда физическая боль достигла пика, что-то внутри меня прорвалось наружу. Моя сила, та самая, что дремала в крови, запертая печатью, вырвалась на свободу. Ослепительная аура, мерцающая всеми цветами радуги и оттенками иных миров, окутала нас, заставив воздух трепетать и искриться.

 За его спиной с треском ткани прорезались огромные, кожистые крылья, отливавшие антрацитовым блеском. Из белоснежных волос выросли изящные, но неоспоримо демонические рога. Его глаза, прежде ледяные, теперь пылали алым пламенем ада. Я застыла, насаженная на его член, не в силах пошевелиться, глядя на истинный облик того, кому только что отдала свою невинность.

 — Ходячая сквозь миры, — произнёс он, и его голос был уже голосом не Сэма, а Самаэля — многоголосым, эхом отдающимся в самой душе. Я тяжело дышала, пытаюсь оттолкнуть его, но мои усилия были тщетны. Он не отступил. Напротив, он двинулся вперёд, войдя в меня до самого предела, заполнив собой всё пространство, и боль, и ужас. И пока моя сила пульсировала вокруг нас диким, неконтролируемым вихрем, он наклонился и поцеловал меня. Этот поцелуй был уже не поцелуем демона, соблазняющего девушку. Это был поцелуй властителя, заявляющего свои права на то, что теперь принадлежало ему по праву завоевания. И он неумолимо двинулся, его бёдра врезались в мои, и новый виток боли, уже

смешанной с пронзительным, запретным наслаждением, заставил меня застонать. Он наклонился так, что наши лбы почти соприкоснулись. Его крылья, огромные и кожистые, сомкнулись за его спиной, отсекая внешний мир, создавая кокон из тьмы и жара его тела.

— Ты моя, Эмма, — прошипел он, и в его многоголосом шёпоте не было места возражениям. Это была не просьба и не констатация. Это был закон, высеченный в самой ткани мироздания.

— Я нашёл тебя.

Он снова двинулся, и на этот раз движение было не для боли, а для утверждения своей власти. Моё тело, всё ещё плачущее от разрыва, начало отзываться на этот настойчивый, ритмичный напор. Стоны, которые я не могла сдержать, становились глубже, продолжительнее, рождаясь где-то в самой глубине моего существа, помимо моей воли.

— Тебе не рассказывали легенду про Самаэля и его истинную пару? — его голос был ласковым ядом, вливаемым прямо в сознание. Он на секунду остановился, позволив мне перевести дух. Я лежала под ним, разбитая, поражённая, всё ещё не в силах осознать как его размер, заполнивший меня до краёв, так и устрашающую красоту его истинного облика — рога, венчавшие его голову, и крылья, отбрасывающие тени на стены. Воздух пах озоном, серой и чем-то диким, первозданным — моей собственной силой, смешавшейся с его.

— Так вот, — продолжил он, его горячее дыхание обжигало мою кожу. — Истинной парой Самаэля станет та, что способна ходить по мирам. Последняя в

своём роду... Эммануэль Дионис.
 Я ахнула. Воздух за-
стрял в лёгких. Это имя... Я не слышала его... Как будто кто-
то ударил в колокол, висящий на дне моей памяти и имя от-
кликнулось на мою душу... Я не знала этого. Бабушка... она
никогда... она скрывала это.
 — Нет... — выдохнула я,
но это был не отказ, а признание собственного невежества,
собственной слепоты.
 — Да, — его губы растянулись
в торжествующей улыбке, обнажив идеальные, но оттого не
менее хищные зубы. — Ты. Ты та самая. Запечатанная си-
ла. Ключ, который я искал веками.

 Он снова начал
двигаться, и теперь каждое его движение было наполнено но-
вым смыслом. Это был не просто секс. Это было скрепление
печати. Притязание на собственность. Его пальцы впились в
мои бёдра, прижимая меня к себе ещё сильнее, и я чувство-
вала, как с каждым его толчком наша ауры — его, тёмная
и всепоглощающая, и моя, сияющая и хаотичная — сплета-
лись в комок, создавая новую, чудовищную и прекрасную
симфонию. Боль окончательно отступила, уступив место че-
му-то гораздо более опасному. Волны удовольствия накаты-
вали на меня, мощные и неотвратимые, как прилив. Я уже
не пыталась бороться. Мои руки, вместо того чтобы отталки-
вать, обвили его шею, мои пальцы вцепились в его волосы у
затылка, чувствуя твёрдую, прохладную поверхность рогов у
своих костяшек.

 — Дай угадаю, тебя прятали, зна-
ли и прятали, — прошептал он, его губы скользили по моей
шее, оставляя горячие следы. — Но твоя кровь... твоя сила...

они всегда вели тебя ко мне.

 Он вошёл в меня особенно глубоко и я взвыла, запрокинув голову. Мир распался на осколки ощущений: его тело внутри моего, его крылья вокруг нас, его имя, моё предназначение, вбиваемое в меня с каждым его движением.

 — Принадлежишь мне, Эммануэль, — прозвучал его финальный приговор, прежде чем волна оргазма накрыла меня с головой, унося в червоточину чистого, неразборчивого экстаза. И в последний момент перед тем, как сознание помутнело, я почувствовала, как что-то щёлкает внутри, словно последний замок на двери, которую мне никогда не следовало открывать.

Глава 3 .Бежать

Сознание вернулось ко мне медленно, пробиваясь сквозь ватную пелену истощения и остаточного удовольствия. Первое, что я ощутила — ноющая, глубокая боль между ног, напоминание о том, что случилось. Настоящее, не стираемое. Я потянулась рукой к пустому месту рядом. Холодная, смятая простыня.

Его не было.

И тут же, как удар током, в висках застучало: «Бежать».

Словно кто-то вложил эту команду прямо в мой спинной мозг. Адреналин, горький и стремительный, выжег последние следы сна. Я метнулась с кровати, ноги подкосились, но я удержалась, схватившись за спинку. Тело кричало от протеста, но инстинкт самосохранения был сильнее.

«Истинная пара Самаэля». «Эммануэль Дионис».

Эти слова звенели в ушах, смешиваясь с эхом его голоса. Это был не просто секс. Это было... посвящение. Проклятие. Бабушка была права. Связь с демоном... но это был не просто демон. Это был Князь. Архидемон. И я, по какому-то чудовищному недоразумению, оказалась его парой, просто шик, блеск и красота! Выиграла дьявольскую лотерею. Усмехнулась сама этой мысли и так и слышала: иии вааааш прииииз, Самаэль, Владыка Ада.. Хотя..Скорее я его приз, а он теперь кто...Хозяин? Боги, за что!

Одежда. Где моя одежда? Юбка и топ валялись на полу. Я натянула их на себя с такой поспешностью, что чуть не порвала ткань. Кеды. Где чёртовы кеды? Один под кроватью, второй у бара. Я не стала их зашнуровывать, просто втокнула ноги внутрь.

Дверь. Нужно было добраться до двери. Я приоткрыла её, высунула голову. Коридор был пуст. Музыка снизу уже не доносилась — клуб, похоже, закрывался. Пахло остывшим дымом и магией.

Я выскользнула, как тень, и почти бегом, пригнувшись, пустилась по длинному коридору к лестнице. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышно на весь этаж. Каждый шаг отдавался болью внизу живота, но я игнорировала её, заставляя ноги двигаться быстрее. Внизу было пусто. Бармен Алексей уже исчез. Только уборщик со шваброй лениво водил по полу. Он поднял на меня глаза, но я уже мчалась к выходу, к тяжелой двери, за которой была свобода. Нет, не свобода. Передышка.

С силой толкнула дверь и вывалилась на улицу. Предрасветный московский воздух, прохладный и пропитанный выхлопами, ударил в лицо, но показался мне самым сладким нектаром. Я сделала несколько судорожных вдохов.

«Такси. Нужно такси».

И как по заказу, на дороге замаячила знакомая жёлтая шашечка. Я, не раздумывая, метнулась к ней, рывком открыла дверь и рухнула на заднее сиденье.

— Куда едем? — равнодушно спросил водитель, даже не оборачиваясь.

Я не сразу смогла выговорить. Горло пересохло.

— Просто... прямо. Поезжайте просто прямо, — выдавила я, закусывая губу, чтобы не расплакаться.

Машина тронулась. Я обернулась и прилипла к стеклу, глядя на удаляющееся здание «Перекрёстка». Оно стояло тёмное и безмолвное, но мне казалось, что из-за каждой его щели на меня смотрят его ледяные глаза. Я откинулась на сиденье, закрыла лицо руками. Дрожь, которую я сдерживала, вырвалась наружу. Всё тело затряслось мелкой, неконтролируемой дрожью.

— Мне конец, — прошептала я в ладони, и голос сорвался на истеричный смешок. — Истинная пара Самаэля... Это же пиздец какой-то! Это не уровень «ой, я переспала с демоном». Это уровень... «теперь я вечная невеста Ада, и мой брак расторгнуть может только апокалипсис, и то вряд ли»!

Я сжала кулаки, чувствуя, как по щекам текут горячие, горькие слёзы. Это была не просто потеря невинности. Это была потеря себя. Той Эммы, которая думала, что ищет приключений. Та Эмма умерла сегодня ночью, и на её месте родилось нечто другое. Нечто, что теперь навеки было связано с самым воплощением тьмы и имя ей Эммануэль Дионис. Какая к черту Эммануэль, имя то какое, под стать Самаэлю... Всю жизнь Эммой была, надо вывести у Ба, но это позже...

Такси плавно тронулось, увозя меня от это-

го проклятого места. Но облегчения не наступало. С каждой сотней метров паника сжимала горло всё туже.

«Как скрыться? Боги, как скрыться от Самаэля? Это ж трЫндец!» — мысли метались в голове, как подстреленные птицы. Он не просто демон. Он — князь. Архидемон. Он чуял мою силу, когда я даже сама её до конца не осознавала. Он нашёл меня в многомиллионной Москве, в клубе, затерянном для обычных людей. Он знал моё истинное имя, о котором я и сама не подозревала.

«Он меня везде найдёт!» — этот вывод был не предположением, а леденящей душу аксиомой. Бежать к бабушке? Подвергнуть её этой опасности? Нет, ни в коем случае. Уехать в другой город? Страну? Континент? Смешно. Для существа, способного перемещаться между мирами, земные расстояния — не более чем пыль на карте.

В голове всплыли обрывки бабушкиных рассказов, которые я всегда считала сказками. «Сильнейших демонов не остановить ни железом, ни заклятьями, дитя. Только воля может стать щитом. Или другая, столь же великая сила». Но у меня не было ни того, ни другого. Была только паника, отчаяние и ноющая боль между ног — клеймо того, что произошло.

Водитель, пожилой мужчина с усталым лицом, прервал мои мучительные размышления, свернув с переулка на более оживлённую улицу.

— Девушка, ну куда едем-то? Уже скоро пять утра, мне

смену заканчивать.

Его голос вернул меня в салон такси, в реальность, которая трещала по швам. Куда? Боже, куда можно поехать, чтобы спрятаться от князя тьмы?

— Так, дядечка, — мой голос прозвучал хрипло и неестественно высоко. — Кружите по МКАДу, я пока подумаю, куда ехать.

Он бросил на меня через зеркало заднего вида удивлённый, слегка неодобрительный взгляд.

— МКАД? Денег не жалко? Кругов сорок накрутим — ползарплаты как не бывало.

«Деньги... Какие сейчас деньги?» — с истеричной внутренней усмешкой подумала я.

— Всё нормально, — отрезала я, глядя в тёмное окно. — Кружите.

Он пожал плечами и взял курс на кольцевую. Машина вышла на простор многополосной трассы. За окном замелькали огни рекламных щитов, редкие фары таких же полуночников. Этот бесконечный поток, эта иллюзия движения успокаивала. Пока я двигалась, он не мог меня поймать. Так ведь?

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу, пытаюсь унять дрожь в руках. Что мне было известно о Самаэле? Только обрывки, страшилки. Князь соблазна, князь обвинителей. Существо, в чьей природе было не просто уничтожать, а овладевать, подчинять, развращать саму душу. И теперь я

была отмечена им. Не просто как очередная любовница, а как «истинная пара». Что это вообще значило? Я чувствовала себя пешкой в игре, правил которой не знала.

Таксист снова крикнул.

— Ну что, решили? А то бензин-то кончается.

Я закрыла глаза. Бежать некуда. Прятаться бесполезно. Оставался только один, безумный вариант. Вернуться к началу. К единственному человеку, который, возможно, знал правду и мог хоть что-то посоветовать, как выжить в этом кошмаре.

 Таксист, услышав новый адрес, лишь молча кивнул, свернул с завораживающего гипнозом МКАДа и погрузился в лабиринт спальных районов. Я смотрела в окно на проплывающие панельные гиганты, чувствуя себя загнанным зверьком, который ищет самую тёмную нору. Бежать к Ба? Нет. Это первое место, где он станет искать. Я не могла подвести к её порогу эту тень. К тому же, её запуганные шепотом предостережения уже не казались паранойей — они были жалкой попыткой оградить меня от неизбежного. Мне нужны были не упрёки и не «я же предупреждала», а факты. Оружие. Любая зацепка.

— Останавливайте вот здесь, — бросила я, когда мы заехали в тихий, почти безлюдный двор-колодец.

Я расплатилась наличными, которые нашла в кармане куртки, и вышла из машины. Утренний воздух был холодным и колючим. Я закуталась в куртку, чувствуя, как вся моя сущность кричит о необходимости спрятаться. Но про-

сто прятаться было бесполезно. В голове, сквозь панику, начала вырисовываться единственная логичная цель. Если Бабушка воспитывала меня в изоляции, значит, где-то должна существовать противоположность — место, где хранятся знания. Не сказки и страшилки, а реальные архивы.

«Библиотека Сверхсуществ».

Это название мелькало в анкетах для получения доступа в элитные клубы, его с придыханием произносили в пабликах. Место, где хранится всё — от древних бестиариев, до трактатов по высшей демонологии. Если я хотела понять, кто такой Самаэль, что значит «истинная пара» и как скрыть от него себя, мне нужен был доступ туда.

Я достала телефон, нащупала визитку Алекия, бармена из «Перекрёстка». Он демон, в библиотеку.

Набрала. Сердце бешено колотилось.

— Алё? Кто? — его голос прозвучал бодро, будто он и не ложился спать.

— Алексей, это Эмма. Ходячая.

— О, уникальная! Что случилось-то? — в его голосе слышалась ухмылка.

— Мне нужна инфа. Срочно. Как попасть в Библиотеку Сверхсуществ?

На том конце провода повисла короткая пауза.

— Серьёзно? Туда не каждый вампир-старейшина сходу попадёт. Нужен пропуск. Или рекомендация от кого-то... весомого.

— У меня нет ни того, ни другого. Но мне **ОЧЕНЬ** нужно. Просто скажи, где она и как туда пролезть.

Алексий вздохнул.

— Ладно, слушай. Она в старом городе, во дворе на Арбате, за неприметной дверью с символом всевидящего ока. Но дверь откроется, только если ты на пороге прочтёшь ключ. А ключ... — он замялся. — Меняется каждый день. Его знают те, у кого есть доступ. Порочный круг, да.

Отчаяние снова накатило волной.

— Других вариантов нет?

— Ну... — он снова помолчал. — Есть слух. Что туда про-
скальзывают через... эфирные щели. Особенно те, у кого с пространством нет проблем. Но это опасно, Эмма. Можешь материализоваться прямиком в стену. Или в объятия к Хранителю, а он, скажем так, не любит непрошенных гостей.

Эфирные щели. Ходить сквозь миры. Моя сила. Бабушка запрещала ей пользоваться, говорила, что это маяк для них. Но теперь маяком было уже само моё существование. Что терять?

— Поняла. Спасибо, Алексий.

— Эмма, — его голос внезапно стал серьёзным. — Будь осторожна. Ты ввязалась в игру высшей лиги. Если Самаэль действительно заинтересовался тобой... беги. Не в библиотеку, а просто беги куда глаза глядят.

Но бежать было некуда. Оставалось только идти вперёд.

— Я уже не могу просто бежать, — тихо сказала я и по-

ложила трубку.

Я посмотрела на гудящий город. Мне нужно было до Арбата. И найти эту дверь. А дальше... попытаться сделать то, что у меня почти никогда не получалось контролировать — не просто шагнуть в другую точку города, а просочиться сквозь щель в одно из самых охраняемых мест нашего мира.

Я сжала кулаки, чувствуя, как по телу разливается знакомое, но теперь пугающее покалывание — пробуждение моей силы. Мне нужна была инфа про Самаэля, про амулеты сокрытия силы и про истинные пары! Это был мой единственный шанс. Не на спасение. На понимание. На осознанное противостояние. Я закрыла глаза, пытаюсь представить себе тот самый двор, ту самую дверь. Я чувствовала, как пространство вокруг меня начало колебаться, как дрожащий воздух над асфальтом в зной. Это было страшно. Больно. Но не больнее, чем осознание того, что отныне я — помеченная добыча князя тьмы. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в висках. Я стояла в том самом арбатском переулке, который подсказал мне Алексей. И вот она — массивная, старая дверь из тёмного, почти чёрного дерева. Ни вывески, ни номера. Только в самом центре, на уровне глаз, было вырезано то самое всевидящее око. Оно казалось слепым и безжизненным, но я чувствовала его тяжёлый, оценивающий взгляд на себе.

«Эфирная щель...» — мысль казалась безумием. Бабушка учила меня лишь основам — чувствовать порталы, не более.

Создавать их... это было сродни попытке завести машину, зная лишь, где находится замок зажигания.

Я закрыла глаза, упираясь ладонями в холодный камень стены рядом с дверью. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок. Я представила себе не просто другое место, а ощущение — запах старой бумаги и кожи, тишину, нарушаемую лишь шелестом страниц, прохладу, хранящую знания веков. Я взывала к своей крови, к той самой силе, что дремала во мне, а теперь бушевала, напуганная и одинокая.

— Пожалуйста, — прошептала я, не зная, к кому обращаюсь. К своим предкам? К самим мирам?

И вдруг пространство вокруг содрогнулось. Не так, как в клубе — здесь всё было тоньше, острее. Воздух зазвенел, как натянутая струна, а в ушах поднялся оглушительный визг. Я почувствовала, как моё тело будто растягивается, превращается в нить, в поток. На мгновение мелькнула тень — бесконечные стеллажи, уходящие ввысь. Запахло пылью и тайной.

И тут же всё рухнуло.

Я с силой шлёпнулась на холодный каменный пол, отчаянно хватая ртом воздух. Голова кружилась, в глазах плавали зелёные круги. Я лежала, раскинувшись, в полной темноте, если не считать тусклый, мерцающий свет, исходящий откуда-то выше.

— Ха! — прозвучал прямо над ухом насмешливый, слегка педантичный голос. — Ещё один самоубийца. Или просто крайне наглый неуч.

Я с трудом подняла голову. Передо мной, поджав ноги и глядя на меня с холодным любопытством, сидел мужчина. Нет, не мужчина. Вампир. Бесспорно. Его кожа была бледной, как старый пергамент, черты — утончёнными и острыми, а глаза... глаза были цвета старого вина, и в них светился незамутнённый веками интеллект. Он был одет в безупречно сидящий костюм-тройку и держал в руках толстенный фолиант, который, похоже, и читал до моего внезапного падения.

— Ты кто такая? — он поднял одну идеально очерченную бровь. — Сюда могут проникать только те, у кого есть пропуск. Ну и... — он махнул рукой с длинными, бледными пальцами, — ...Ходячие. Но их, если ты не в курсе, уже давно нет. Истребили, поубивали, сами повымирили. Крайне неаккуратный народ.

Я сглотнула, с трудом поднимаясь на ноги. Всё тело ныло, но страх перед этим вампиром был сильнее.

— Есть... — прохрипела я, отряхивая колени. — Я... Ходячая.

В библиотеке воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как оседает пыль на фолиантах. Вампир медленно, очень медленно закрыл свою книгу. Звук щелчка прозвучал невероятно громко. Его винно-красные глаза сузились, изучая меня с ног до головы с новой, жгучей интенсивностью. Весь его вид, прежде расслабленный и насмешливый, стал собранным и опасным. Он поднялся, и его рост оказался куда более внушительным, чем казалось сидя.

— Неужели? — прошипел он, и в его голосе впервые появился интерес, лишённый насмешки. — Последняя из могикан? И каким же ветром тебя, простите, занесло в наши скромные архивы? Или, — его взгляд стал пронзительным, — тебя прислали?

Он сделал шаг вперёд, и я встав, инстинктивно отступила, наткнувшись спиной на холодный стеллаж. Пахло знанием. И смертельной опасностью. Библиотека Сверхсуществ начала открывать мне свои тайны, и первой из них стал её Хранитель.

— Мне нужны знания, — выдохнула я, всё ещё пытаюсь отдышаться после неуклюжего телепорта.

— Какие? — его вопрос прозвучал как удар хлыста, быстрый и точный.

Я заколебалась. Стоило ли раскрывать все карты первому встречному хранителю, даже если он казался всего лишь педантичным библиофилом? Но выбора у меня не было. Я была здесь нелегально, и каждая секунда могла быть последней.

— Про демона... определённого, — начала я, подбирая слова. — Про амулет... определённый. И про... истинную пару.

Я увидела, как в его глазах-виноградинах вспыхнула искра понимания, смешанная с нескрываемым любопытством. Он скрестил руки на груди, его длинные пальцы постукивали по рукаву.

— Так, — протянул он. — Понял. Что за демон и что за

амулет — ты мне, разумеется, не скажешь. Слишком опасно, слишком лично. Верно?

Я молча кивнула, чувствуя, как жар стыда и страха разливается по щекам. Он видел меня насквозь.

— Ну что ж, — он издал нечто среднее между вздохом и усмешкой. — Тогда, моя дорогая незваная гостья, вон в ту секцию. — Он указал пальцем с идеально подстриженным ногтем вглубь зала, где царил почти непроглядный мрак.
— Иди прямо, не сворачивай. Мимо «Истории Некромантии для начинающих», мимо «Анатомии драконов за 10 000 лет». В самом конце будет... ну, скажем так, секция для тех, кто ищет ответы на вопросы, способные свести с ума или изменить миропорядок. — Его губы искривились в подобии улыбки. — «Запретный фонд». Там ты найдёшь всё, что тебе нужно. Если, конечно, ты сможешь это прочесть. И если... книги захотят говорить с тобой.

«Запретный фонд». Звучало так, как будто я из огня да в полымя. Но отступить было некуда.

— Спасибо, — прошептала я и, не дожидаясь его ответа, зашагала в указанном направлении.

Мои шаги глухо отдавались в каменных сводах. Стеллажи по бокам казались живыми, они нависали надо мной, а корешки книг, переплетённые в кожу неведомых существ и инкрустированные странными символами, словно следили за мной. Я чувствовала на себе взгляд вампира-хранителя, жгучий и неотступный. Он не пытался меня остановить. Воз-

можно, ему было просто интересно, выйду ли я оттуда живой. Я шла, пока свет не стал совсем призрачным, а воздух — ледяным и густым, как сироп. И вот, наконец, я упёрлась в тупик. Не просто стену, а нечто вроде арочного проёма, завешанного тяжёлой, чёрной тканью, на которой мерцали серебряные руны. Они пульсировали в такт моему учащённому сердцебиению. Это было оно. Место, где я могла найти ответы. Или свою погибель.

Сделав глубокий вдох, я протянула руку и отодвинула завесу.

Завеса из чёрной ткани скользнула под моими пальцами, холодная и неожиданно тяжёлая, словно сотканная из самой тьмы. За ней не было комнаты в привычном понимании. Это было замкнутое пространство, своего рода грот, вырезанный прямо между бесконечными стеллажами. Воздух здесь был неподвижным и густым, пахнувшим медью, ладаном и горькой полынью — запахами древних ритуалов. Свет исходил от самих книг: одни тускло светились синевой некромантских свитков, другие пульсировали багровым, как застывшая лава, а иные и вовсе были окутаны зелёным, ядовитым сиянием.

«Начнём с демонов...» — прошептала я сама себе, пытаюсь заглушить нарастающую панику.

Мой взгляд скользил по корешкам, пытаюсь разобрать письмена, которые, казалось, сами по себе двигались и видоизменялись. «Анналы Низших Теней», «Песни Проклятых Хоров», «Трактат о геенном пламени»... Имена были пуга-

ющими и ничего не говорили мне. Мне нужно было что-то конкретное. Фундаментальное.

И тогда я увидела её. Она стояла чуть в стороне, на отдельной, похожей на пьедестал полке. Книга была не просто большой — она была массивной. Её переплёт был сделан из тёмной, почти чёрной кожи, которую я с ужасом боялась опознать, и окован по углам тусклым, холодным металлом, похожим на обсидиан. На обложке не было ни названия, ни автора — только рельефное, сложное изображение печати, состоящей из переплетающихся кругов и шипов. Она не светила. Она, казалось, поглощала весь окружающий свет, создавая вокруг себя сферу абсолютной черноты.

«Ага, вот она...» — мысль прозвучала скорее с отчаянием, чем с торжеством.

Я медленно протянула руку, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. Воздух вокруг книги вибрировал, насыщенный запретной силой. Мои пальцы дрожали, когда я коснулась переплёта. Кожа на обложке была на удивление тёплой и... живой. Она слегка подрагивала под моим прикосновением, словно отзываясь на пульсацию моей крови. Я с силой потянула фолиант на себя. Он был невероятно тяжёлым, будто внутри были заключены не страницы, а свинцовые плиты с высеченными проклятиями. Я прижала его к груди, чувствуя, как холод от металлических оков проникает сквозь тонкую ткань топа.

Не было ни стола, ни стула. Я опустилась прямо на холод-

ный каменный пол, скрестив ноги, и положила книгу перед собой. Сердце бешено колотилось. Я боялась открыть её. Боялась того, что найду внутри. Сделав глубокий, дрожащий вдох, я приподняла массивную крышку.

Раздался негромкий, но отчётливый щелчок. Страницы были не бумажными, а тончайшим, испещрённым письменами пергаментом. И они не просто лежали — они медленно перелистывались сами, будто невидимая рука вела их к нужному разделу. Воздух наполнился тихим, едва слышным шёпотом — шёпотом тысяч голосов, спорящих, повествующих, предостерегающих на забытых языках.

И вот перелистывание остановилось. Правая страница была усеяна плотным, витиеватым текстом, который я с трудом могла разобрать. Но левая... Левая страница содержала иллюстрацию.

Это был не рисунок. Это было магическое изображение, живое и пульсирующее. На нём был изображен он. Самаэль. Но не тот, кого я видела в клубе — красивый мужчина с холодными глазами. Здесь он был явлен во всей своей архидемонической мощи. Огромные, кожистые крылья, раскинутые как знамя тьмы. Рога, изогнутые в сложной, устрашающей короне. Тело, покрытое тенями и языками адского пламени. А глаза... глаза были двумя бездонными колодцами, полными звёздной пыли и вечного холода пустоты. И под изображением, буквами, которые, казалось, были выжжены на пергаменте, стояло его Имя. Его истинное, полное Имя,

состоящее из звуков, которые человеческое горло не способно издать. И краткий, ужасающий титул:

Князь Соблазна, Владыка Обвинителей, Первый из Падших.

Я не могла оторвать от него взгляд. Это было в тысячу раз страшнее, чем наяву. Это была сама суть того, с кем я связала свою судьбу. И где-то на этих страницах должен был быть ответ. Ответ на то, что значит быть его «истинной парой». И есть ли хоть какой-то шанс вырваться из этой чудовищной судьбы. Сердце бешено колотилось, глядя на изображение Самаэля. Оно было настолько живым, что, казалось, вот-вот демон шагнёт со страницы. Я с силой оторвала взгляд от этих всепоглощающих глаз-бездн и снова сосредоточилась на книге. Страницы с лёгким шелестом, будто повинувшись моему невысказанному желанию, снова пришли в движение.

«Истинная пара». Эти слова жгли мне душу. Что они на самом деле значили? Вечную любовь? Проклятие? Или нечто более утилитарное и оттого ещё более ужасное?

Пергамент перелистывался, пропуская главы о его власти над легионами, о его роли в падении ангелов, о его способности искушать даже самых чистых. Я пролистывала всё это, пока взгляд не зацепился за заголовок, написанный киноварью, цветом свежей крови: «О Предназначенных и Партнёрстве с Силами Преисподней». Я замерла, впиваясь в текст. Письмена плясали перед глазами, но я заставляла себя читать, переводя сложные архаичные обороты.

«...ис-

тинная пара Князя — не добыча, не трофей и не инструмент. Она — ответ на многовековое одиночество души, познавшей всю полноту существования, но лишённой отзвука. Самаэль, один из первых и могущественнейших, был обречён Судьбой ждать. Пронести через эпохи тьмы и падения память о том, что где-то должна родиться та, что создана быть его отражением и противовесом...»

Меня бросило в жар. «Обречён ждать». Эти слова отозвались во мне глубокой, непонятной жалостью. Я представила его — не того властного демона из клуба, а вечного скитальца, в чьём сердце, под слоями власти и цинизма, тлела искра надежды.
И тут же внутренний голос: *"Ха, надежды, даже смешно. У него? У демонюки? Мне кажется, он и без этой истинной пары отлично себя чувствовал!"*

«...сила её, будучи сплетённой с его собственной, рождает не просто мощь, а гармонию. Там, где была пустота, возникает целостность. Их союз — это воссоединение двух половин, разлучённых при рождении миров. Она — не ключ к его амбициям, а покой для его души. Эммануэль Дионис... последняя в своём роду, ибо весь её род был лишь сосудом, хранившим эту искру для него через тысячелетия.»

«Обретение знаменуется Пробуждением Печати не силы, а сердца. Соитие — не ритуал скрепления, а акт признания, когда две души наконец-то узнают друг друга. С этого момента бегство тщетно, ибо станет бегством от самой себя, от

своей истинной сути...»

«Акт признания». Да. В ту секунду, несмотря на боль и страх, было что-то... неизбежное. От этого стало жутко.

И тут я наткнулась на самый важный абзац. Буквы здесь светились мягким, тёплым светом.

«...ибо с этого мгновения их жизни и судьбы переплетаются в единую нить. Эти узы — высший дар и высшая жертва. Это любовь, выкованная в горниле самой Судьбы, не знающая преград и не признающая воли сторон. Любовь, которую Самаэль ждал вечность. Любовь, которую познает, если сможет отринуть гордыни и похоть»

Я уставилась на сияющие строки, и вся та умиротворяющая теплота, что на секунду меня охватила, испарилась, сгорев в мгновенном, яростном всплеске праведного гнева.

— Какого чёрта? — прошипела я, и мой шёпот прозвучал грубо и резко в благоговейной тишине. — Любовь? Вы что, издеваетесь, там где то высшие силы решили поиграть в Дом 2 на демоническом уровне? Так и представила, как Олечка вещает: а теперь встречайте, Эммануэль, к кому ты пришла на Дом 2- демонический уровень? И я такая: ой, к Самаэлю" Пха-ха-ха!

Я с силой ткнула пальцем в пергамент, едва не проткнув его.

— Меня только что грубо лишили девственности демоном, который оказался чуть ли не царём преисподней! Мне разорвали плоть, я чуть не померла от страха, а сейчас сижу

в подвале, вся в синяках и с дикой болью между ног! И эта... эта старинная макулатура пытается впарить мне сказку про «акт признания» и «любовь»?!

Горькая, истеричная усмешка вырвалась у меня наружу. Я отшатнулась от книги, будто от ядовитой змеи.

— Да он меня даже по имени нормально не спросил! «Эмма, ах какая вкусная» — это не знакомство, это оценка товара! Он насадил меня на себя, как на кол, пока я плакала от боли, а не от умиления! Какая, нафиг, любовь? Это насилие, приправленное древним бредом сивой кобылы!

Внутри всё закипало. Все эти красивые слова о «вторых половинках» и «судьбе» были просто оправданием. Оправданием для того, чтобы украсть мою жизнь, мои выборы, моё тело и навязать мне вечную связь с тираном.

— Ждал меня, блин, тысячелетия, — продолжала я бубнить, бесцельно шагая по маленькому пространству Запретного фонда. — Так может, стоило начать с ужина и букета цветов? А не с грубого секса в вип-ложе клуба после пятиминутного танца!

Я снова подошла к книге, полная решимости вырвать из неё правду, а не сладкие сказки.

— Ладно, — выдохнула я, собирая волю в кулак. — Допустим, эта муть про «истинную пару» — не полная чушь. Допустим, между нами и правда есть какая-то связь. Но это не отменяет того, что он — мудака, а я — его жертва и пофиг, что сама секса искала. Я искала просто секс, а не секс с сюр-

призом в виде Самаэля. И мне, чёрт побери, нужен способ себя защитить. Хотя бы для того, чтобы выровнять игровое поле. Чтобы в следующий раз, когда он появится, у меня был хоть какой-то козырь. А не только дрожащие колени и свежеиспечённый статус «вечной невесты ада».

Я лихорадочно снова принялась листать страницы, уже не ища романтики, а выискивая практические решения. Мои пальцы скользили по оглавлению, выискивая любые упоминания амулетов, барьеров, оберегов — всего, что могло бы скрыть мою силу или оградить меня от него.

Любовь? Нет уж. Сначала — выживание. А уж потом, может быть, когда-нибудь, если он докажет, что он не монстр, а тот самый «истинный», о котором тут так красиво написано... может быть, тогда я и подумаю. Но точно не сейчас.
Мой яростный бубнёж, должно быть, был слышен за пределами Запретного фонда, потому что следующее, что я услышала, — это тихий, но отчётливый звук, похожий сдерживаемый смех. Я обернулась.

Вампир-хранитель стоял у входа, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. На его устах играла та же самая язвительная ухмылка, что и раньше.

 — И что вы смеетесь!, - зло рыкнула

— А как не смеяться при виде юной особы, которая в ярости топчет древние фолианты и сомневается в предопределении свыше.

Я покраснела от злости и смущения.

— А вас это не должно волновать! — выпалила я.

— Всё, что происходит в моей библиотеке, меня волнует, — парировал он, не моргнув и глазом. — Особенно когда это связано с такой... уникальной диковинкой, как ты. Так что случилось-то? От истинного бежишь, что ли? — Он сделал паузу, наслаждаясь моим растерянным видом. — Понял. По пергаменту видно — он весь в слезах и гневных отпечатках пальцев. Прочла про вечную любовь и воссоединение душ и... возмутилась. Вполне в духе вашего рода. Все Ходячие были ужасными скептиками и воздух сотрясали от возмущений.

От его слов стало ещё обиднее. Он говорил так, будто читал мои мысли.

— Это не любовь, а похищение с последующим... использованием! — прошипела я.

— А, — он многозначительно поднял бровь. — Ну, если ты уверена, что столь возвышенные чувства — не для тебя, и желаешь усложнить и без того запутанную судьбу... — Он лениво махнул рукой вглубь Запретного фонда, в сторону, противоположную от той, где я нашла книгу о демонах. — ...тогда тебе в тот отдел. За амулетом. Тот, что скрывает не просто ауру, а самую суть связей. «Сердце в пеленах», называется. Весьма поэтично для столь коварного артефакта. Спрячешь свою сияющую душу — и твой возлюбленный, возможно, какое-то время будет ходить по кругу, как слепой котёнок. Недолго, но для начала сойдёт.

Он ухмыльнулся ещё шире, видя мою нерешительность.

— Ну же, дикарка. Иди. Возможно, это последний раз, когда у тебя есть выбор — принять свою судьбу или объявить ей войну. И, поверь, война с Самаэлем — куда как веселее, чем вечная любовь.

С этими словами он развернулся и растворился в тенях между стеллажами, оставив меня наедине с тяжёлым решением. Я посмотрела в ту сторону, куда он указал. Там было ещё темнее, и воздух казался более спёртым. «Сердце в пеленах». Звучало как что-то, что могло помочь. Но также звучало и как очередная ловушка. Сжав кулаки, я сделала шаг вперёд. Не к любви, не к судьбе. К оружию. Пусть даже это оружие было предназначено против моего же собственного предназначения.

«Такс, мне нужен этот амулет».

Слова прозвучали как приговор самой себе. Не признание судьбы, а объявление ей войны. Пусть вампир и считал это забавным, для меня это был вопрос выживания и сохранения хоть капли собственного «я». Я двинулась вглубь указанного им отдела. Здесь было не просто темно — здесь свет, казалось, угасал, поглощаемый самой атмосферой. Воздух стал густым и тяжёлым, пахнувшим застывшим воском, замшелым камнем и озоном — признаком мощной, законсервированной магии. Стеллажи здесь были не деревянными, а каменными и на них лежали не книги, а артефакты. Одни — в бархатных футлярах, другие — просто на полках, излучая тихое, зловещее свечение.

Я шла медленно, вглядываясь в каждый предмет. Вот засушенная рука, сжимающая хрустальный шар. Вот маска из отполированного чёрного обсидиана, в глазах которой клубилась тьма. Вот кинжал, клинок которого был выкован из льда, что не таял веками.

И вот я увидела его.

Он лежал на отдельной каменной тумбе, на подушке из чёрного бархата. Это не было ни золото, ни серебро. Амулет был выточен из куска матового, молочно-белого камня, похожего на лунный. Он был простой формы — капля, почти как слеза. Но внутри него, в самой глубине, пульсировал тусклый, ровный свет, словно заточённое крошечное сердце. От него не исходило ни величия, ни угрозы. Только тихая, безмятежная грусть. «Сердце в пеленах». Название было идеальным.

Я протянула руку, ожидая ожога, отторжения, чего угодно. Но ничего. Мои пальцы коснулись камня, и он был на удивление тёплым. Тепло живой плоти, а не магии. Пульсация внутри камня на мгновение участилась, словно он отозвался на моё прикосновение. В голове пронеслись обрывки мыслей. Если я надену это, я скроюсь от него. Я получу передышку. Возможно, даже смогу вернуться к какой-то подобию нормальной жизни. Но... я также скрою и нашу связь. Ту самую «нить судьбы», о которой говорилось в книге. Не будет ли это похоже на ампутацию собственной души?

— Выбирай быстрее, — из темноты донёсся насмешли-

вый голос вампира. — Эфирные щели имеют свойство затягиваться. Или ты передумала и решила смириться с участью невесты Повелителя Тьмы?

Его слова вонзились в меня, как иглы. «Невеста Повелителя Тьмы». Нет. Я не была его невестой. Я была его пленницей.

Сжав амулет в ладони так, что его грани впились в кожу, я сорвала его с бархатной подушки.

— Я не смирюсь, — тихо, но чётко сказала я в пустоту. — Никогда.

Я повернулась и, не оглядываясь, пошла назад, к выходу из Запретного фонда. Камень в моей руке казался всё тяжелее, как будто в нём был не просто магический кристалл, а груз принятого решения. Я не знала, сработает ли он. Не знала, сколько у меня есть времени. Но теперь у меня было оружие. Пусть и оружие, направленное против моей собственной судьбы. Я плюнула на все сомнения, на все эти дурацкие пророчества о второй половинке и вечной любви. Плюнула на его бархатный голос и пронзительный взгляд. Прямо сейчас всё, чего я хотела, — это чтобы меня оставили в покое.

С силой, от которой хрустнул кожаный шнурок, я натянула амулет через голову. Капля камня упала на грудь, и...

Фух.

Это было похоже на то, как если бы ты годами жил в комнате с оглушительно ревущей музыкой и вдруг кто-то выключил звук. Давление, которое я даже перестала замечать,

рассеялось. Постоянный, едва уловимый гул моей силы, ставший после ночи с ним пронзительным визгом, умолк. Он не исчез — я всё ещё чувствовала его, как тёплую, спящую змею у себя внутри, — но он больше не кричал на весь мир. Теперь это был всего лишь шёпот. Я сделала глубокий вдох, и мне впервые за сегодняшний день показалось, что в лёгкие поступает не магия, не обещания и не угрозы, а просто воздух. Чистый, холодный, московский воздух.

Даже свет в Запретном фонде будто стал мягче, перестав фокусироваться на мне как на источнике беспокойства.

— Ну вот, — раздался голос вампира. Он снова стоял неподалёку, наблюдая с тем же научным интересом. — Поздравляю. Теперь ты — серая мышь в мире хищников. Наслаждайся анонимностью, пока она есть. Такие печати долго не держатся на таких... ярких душах.

Я проигнорировала его. У меня не было сил на препирательства.

— Как мне отсюда уйти? Обычным путём? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Он кивнул в сторону той самой чёрной завесы. — Просто шагни. Дверь выведет тебя туда, откуда пришла. Или куда пожелаешь. В разумных пределах, разумеется.

Я кивнула и, не прощаясь, направилась к выходу. Прошла сквозь тяжёлую ткань, ожидая головокружения или боли, но ничего не произошло. Я просто оказалась в том самом арбатском переулке, где всё и началось. Рассвет уже разгорал-

ся, окрашивая небо в грязно-розовые тона.

Я потрогала амулет на груди. Он был прохладным и успокаивающе тяжёлым.

«Теперь можно ехать в мою квартиру...»

Мысль казалась одновременно и радостной, и пугающей. Квартика была моим последним оплотом нормальности. Но не станет ли она первой ловушкой? Придёт ли он туда? Сможет ли найти, даже с амулетом?

Неважно. Я не могла вечно скитаться по улицам. Мне нужен был душ, сон и хоть какая-то иллюзия контроля. Поймав первую же попавшуюся машину, я назвала свой адрес. Всю дорогу сидела, сжав амулет в ладони и смотрела в окно. Город просыпался, жил своей обычной жизнью. А я везла в себе тишину, купленную ценой отказа от самой себя. Было ли это освобождением? Или просто другой формой тюрьмы?

Я не знала. Но сейчас тишина была дороже любых ответов.

Глава 4. Обретение Самаэля

Обретение Самаэля
Она заснула. Её дыхание, ещё недавно прерывистое и взволнованное, выровнялось, став тихим и глубоким. Я лежал рядом, опираясь на локоть, и наблюдал. При свете, что пробивался сквозь щели тяжёлых штор, её кожа казалась фарфоровой, а на щеках лежал румянец пережитого потрясения. Эмма. Нет. Эммануэль. Её истинное имя сладко обжигало, как редкий нектар.

Я почувствовал это в тот миг, когда вошёл в неё. Не просто разрыв девственной плевы — разрыв печати, что скрывала её суть от мира. И от неё самой. Волна её силы, чистой, необузданной, дикой, окатила меня.

Она моя.

Мысль была требованием, победным кличем. Она была констатацией факта, столь же неоспоримого, как закон тяготения. Вселенная, наконец, встала на своё место. По праву, данному мне самим мирозданием, она принадлежала мне. И она *будет* моей. Её желание, её страх, её попытки сопротивляться — всё это было лишь временным шумом, фоном к неумолимой симфонии судьбы.

Я медленно поднялся с кровати, не желая будить её. Её сила, теперь пробуждённая и связанная с моей, витала в воздухе, сладкий и пьянящий аромат, который любой обитатель Ада учует за мили. Она была маяком. Моим маяком.

Мне нужно было уйти. Ненадолго. В Аду назревал очередной скандал — легион бесов взбунтовался из-за поставки душ и моё присутствие требовалось, чтобы разрешить спор. Светская обязанность. Рутинка. Но теперь у этой рутинки был новый вкус — вкус предвкушения возвращения. Я оделся одним движением мысли, моя обычная человеческая оболочка сменилась на более соответствующую моменту — чёрные доспехи из закалённой в Геенне стали, плащ из сплетённой тьмы. Я посмотрел на неё ещё раз. Она сжалась во сне.

Спи. Отдала себя своему мужу, сама того не ведая. Но это лишь начало.

Я не оставил охраны. Не наложил следящих чар. В этом не было нужды. Наша связь была прочнее любых заклинаний. Она могла бежать на край света, могла спрятаться в самых потаённых уголках мироздания — и я нашёл бы её по одному лишь эху её души в моей. Её страх, её гнев, её смятение — всё это было лишь частью мелодии, что теперь звучала внутри меня.

Я шагнул в тень в углу покоев, и реальность смялась, пропуская меня в лимб, коридор между мирами. Вокруг проносились вихри забвенных реальностей и сгустки чистой магии, но я был невосприимчив к их зову. Мой путь был очерчен одним единственным пунктом назначения.

Через мгновение я уже стоял в своём кабинете в Чертогах Отчаяния, в самом сердце Ада. Запах серы и страданий ударил в нос, знакомый и почти домашний. Передо мной, заги-

баясь в почтительных поклонах, стояли три моих маршала, их демонические лики искажались беспокойством.

— Владыка, бесы...
 — Я в курсе, — отрезал я, проходя к трону из и обсидиана.

Они замерли, удивлённые моей осведомлённостью и... настроением. Обычно подобные дразги вызывали у меня лишь скуку и раздражение. Сегодня же я чувствовал странное, почти снисходительное спокойствие. Их проблемы, их интриги, вся эта бесконечная адская суeta — всё это было лишь фоном. Шумом. Пока они зачитывали доклады, я откинулся на троне и позволил части своего сознания улететь вслед за той тончайшей нитью, что тянулась из моего существа куда-то в мир смертных. Я чувствовал её. Она проснулась. Испуганная, одинокая. Потом — решительная. Я ощутил всплеск её воли, её ярости. Она боролась. Отчаянно и прекрасно. Борись борись, так даже интересней.

Прошло какое то время, затем... тишина.

Не пустота, не разрыв. А словно кто-то набросил на нашу связь плотное, глухое одеяло. Её сияние, ещё секунду назад такое яркое, померкло, стало приглушённым, далёким. На моём лице появилась улыбка. Первая за многие столетия, что была не маской и не насмешкой, а настоящей.

Она надела амулет. «Сердце в пеленах». Предсказуемо. Отчаянно. Мило. Пыталась спрятаться. Подливает масло в азарт.

Мои маршалы замолчали, почуяв изменение в моей

ауре.
 — Владыка? Всё в порядке?

— Всё идеально, — мой голос прозвучал задумчиво. — Продолжайте.

Она пыталась спрятаться. Сделать себя невидимой. Как будто это возможно. Амулет мог скрыть её от взоров других, мог даже на время притупить остроту нашей связи. Но он не мог разорвать её. Ничто во всех мирах не было на это способно. Она могла отрицать это, могла бороться, но факт оставался фактом: она отдала себя мне. И теперь её душа навеки откликалась на мою.

Пусть поиграет в прятки. Пусть почувствует себя в безопасности. Это сделает нашу следующую встречу ещё слаще. Её бегство было частью танца, того самого, что мы начали миллионы лет назад, когда наши души были одним целым. Я знал каждую её следующую мысль, каждый шаг, ещё до того, как она их совершала. Она поедет к себе. В свою хрупкую, смертную крепость и когда я закончу здесь свои скучные дела, я найду её. Не как охотник добычу. А как море находит берег. Неотвратно. Естественно. По праву, данному самой Вселенной. По праву сильного, единственного.

И на этот раз она примет свою судьбу. Хочет она того или нет.

Она моя.

Эта истина жгла изнутри, холодным, неоспоримым пламенем. Это была смесь чувств: голод плоти, жажда души, желание обладать, держать. По праву, старшему любого закона,

любого заклинания. По праву, данному самой тканью мироздания в тот миг, когда первая тьма встретила первый свет. Мы были противоположностями, созданными друг для друга.

И она будет моей.

Её воля, её страх, её попытки отрицать очевидное — всё это было лишь лепетом ребёнка, не понимающего сути вещей. Её сопротивление лишь подогревало моё желание. Я дал ей передышку. Позволил убежать. Позволил почувствовать призрачную безопасность под сенью этого жалкого амулета. Пусть насладится последними мгновениями иллюзии выбора. Это сделает её окончательное падение в мои объятия лишь слаще.

Хочет она того или нет.

Воля смертных — хрупкая вещь. Её можно сломать. Можно переубедить. А можно... переждать. У меня была вечность. Я ждал её тысячелетия. Что значат для меня дни, недели, даже годы её упрямства? Это лишь мгновение. И в конце этого мгновения она всё равно окажется там, где ей и предназначено быть. Со мной. Мысль о её борьбе вызывала не гнев, а тёмную, собственническую нежность, вековой голод, похоть. Она была такой живой. Такой яростной в своём отрицании. Это лишь доказывало её силу. Силу, что теперь принадлежала мне.

Я закончу здесь свои дела. Быстро, не тратя лишних сил на эти адские дразги. А потом...

Потом я явлюсь к ней. Не как насильник или похититель. Явлюсь как муж, пришедший за своей женой. И она поймёт. Не сразу. Возможно, это займёт время. Но она поймёт, что её бегство, её гнев, её амулет — всё это было частью пути ко мне. Единственному месту, которому она по-настоящему принадлежит.

Вселенная свела нас вместе. И Вселенная не потерпит разлуки. Она моя. И скоро она сама это признает, нравится ей это или нет.

Тень надвинулась слева, нарушая моё созерцание нити, что вела к Эмме. Пахнуло серой, дорогими духами и чистой, неразбавленной похотью.

— Самаэль, что-то ты давно ко мне не заходил, — голос Александры, демоницы Четвёртого Круга, был сладким, как яд, и знакомым до тошноты.

Она скользнула рядом, её обнажённое плечо коснулось меня. Её пальцы, длинные и с идеальным маникюром цвета запёкшейся крови, провели по моей нагрудной пластине, пытаясь найти зазор, щель в моей броне, как физической, так и ментальной.

— Соскучился? — её шёпот обещал забытие, которое я так часто искал в её объятиях на протяжении последних столетий. Забытие от вечного ожидания. Попытка заполнить пустоту.

Но сегодня её прикосновение не вызвало ничего. Ни искры желания, ни даже привычной скучной снисходительно-

сти. Оно было... чужим. Неправильным. Я не двинулся с места, но моя аура, всегда находившаяся под строгим контролем, сжалась и ударила, как кнут. Невидимый, но осязаемый импульс чистой, ледящей воли.

— Не смей.

Эти два слова прозвучали не громко. Они прозвучали тише шепота, но наполнили пространство кабинета такой абсолютной, безжизненной холодностью, что пламя в жаровнях на мгновение погасло, а маршалы инстинктивно отпрянули.

Александра отдернула руку, будто обожглась о раскалённый металл. На её идеальном, прекрасном, как грех, лице смешались удивление, обида и зарождающийся гнев.

— Что с тобой? — выдохнула она, её глаза-углишки сузились. — Ты... пахнешь иначе.

Она была права. Я пах иначе. Я пах *ею*. Свежестью междумирий, озоном от пробудившейся силы и слабым, едва уловимым ароматом её страха, что стал для меня дороже любых духов. Это был её страх и пофиг, что это страх, да хоть ненависть, это её эмоция. Я был готов питаться любой, а потом ещё раз взять её.

Я медленно повернул к ней голову. Взгляд мой был пустым, как космический вакуум.
— Дела, Александра. У меня есть дела.

Она попыталась поймать мой взгляд, найти в нём ту искру, что позволяла ей приближаться все эти годы. Но не нашла ничего. Только бездонную, завершённую уверенность,

которая не оставляла места для неё.

— Какие ещё дела? — её голос дрогнул от ярости. — Ты Самаэль! Твои дела — это вечность!

— Именно поэтому, — я отвёл от неё взгляд, снова сосредоточившись на той далёкой, приглушённой точке, что была моей женой. — Мои приоритеты изменились. Навсегда.

Я сделал едва заметный жест рукой. Тень в углу кабинета сгустилась, и двое моих стражей из безмолвного легиона материализовались по бокам от Александры.

— Проводите леди Александру. У неё больше нет ко мне дел. Никогда.

Она застыла, ошеломлённая, её демоническая гордыня была уязвлена как никогда. Но спорить было бесполезно. Она видела это в моих глазах. Эпоха наших игр закончилась. Закончилась в ту секунду, когда в клубе «Перекрёсток» я взял ту единственную душу, что была создана резонировать с моей.

Она ушла и воздух снова очистился.

Я закрыл глаза, отбросив все помехи. Там, в мире смертных, под защитой жалкого камушка, она думала, что обрела свободу. Но её свобода была лишь моей добровольной уступкой. Кратким моментом, чтобы осознать неизбежность.

Скоро я явлюсь к ней. И мы поговорим. Уже без свидетелей, без музыки, без возможности сбежать.

Жди, Эммануэль. Твой муж скоро придет за тобой.

Грохот был таким, словно в стене Чертогов проломили

портал кувалдой. Массивные двустворчатые двери моего кабинета с грохотом распахнулись, ударившись о каменные стены, и на пороге возник он.

Вельзевул.

Мой «дорогой» старший брат. В отличие от моей сдержанной, сконцентрированной мощи, он был воплощением буйства и физической силы. Его демоническая форма была массивной, мускулы вздувались под багровой кожей, покрытой шрамами от бесчисленных битв. За его спиной шевелились мощные, перепончатые крылья, а с его рогов, похожих на изогнутые бивни, капала ядовитая смола. Он тяжело дышал, и от него пахло дымом сражения и серной яростью.

— САМАЭЛЬ! — его рёв заставил содрогнуться даже моих бесстрастных маршалов. — Где ты пропадаешь?! Бесы устроили бойню на Слизовых равнинах, а ты тут устраиваешь аудиенции со своими фаворитками?! — Его горящий взгляд скользнул по только что удалившейся Александре, и он фыркнул, выпустив клубок чёрного дыма.

Я не двинулся с места. Моё спокойствие было ледяной стеной против его бури.
— Вельзевул, — произнёс я, и мой голос, тихий и ровный, контрастировал с его рёвом, но перекрывал его по силе. — Ты врываешься в мой зал, как разъярённый корбв. Успокойся.

— Успокоюсь я, когда ты сделаешь свою чёртову работу! — он тяжело ступил вперёд, его ноги оставляли вмятины на полу. — Пока ты тут философствуешь, легионы режут друг

друга! Или ты уже забыл, что правление Адом — это не только сбор душ и интриги?

Он был прав. Отчасти. Рутиня правления всегда была для меня обузой, игрой, в которую я играл из чувства долга, но без истинной страсти. Но сейчас... сейчас всё было иначе.

— Ситуация под контролем, — я медленно поднялся с трона. Моя тень, отбрасываемая жаровнями, удлинилась и поглотила его. — Бесы — ничто. Они будут усмирены. Но не грубой силой, брат. Грубая сила — твой удел.

Вельзевул оскалился, обнажив ряды острых, как бритва, зубов.
— Ты снова за своё! Вечные хитрости, вечные заговоры! Иногда нужен просто хороший разгром!

— И оставить после себя выжженную землю? — я покачал головой. — Нет. Я пошлю к ним Легион Шёпота. Они усыпят их бдительность и обратят вождей друг против друга. К утру они сами приползут сюда с повинной.

Вельзевул фыркнул, но в его глазах мелькнуло понимание. Он ненавидел мои методы, но не мог отрицать их эффективность.

— Ладно, — проворчал он. — Делай как знаешь. Но если это опять затянется... — он не договорил, но угроза витала в воздухе.

Его взгляд, тяжёлый и подозрительный, снова упал на меня.
— А с тобой что-то не так, брат. Ты... другой. — Его ноздри расширились, пытаясь учуять подвох. — От тебя пахнет... чужим. Чистым. Как будто ты побывал в каком-то

захудалом раю.

Её след на мне был столь же очевиден для такого древнего демона, как и для меня самого.

— У меня появился новый... проект, — сказал я, тщательно подбирая слова. — Нечто, что требует моего личного внимания.

— Проект? — Вельзевул усмехнулся. — Это та, что сбегала от тебя сегодня утром? Я слышал шёпоты. «Ходячая». Правда, что ли? Последняя из Дионис?

Опасность зазвенела в воздухе, острая и реальная. Если Вельзевул узнал так быстро, то она может быть в еще большей опасности, чем я предполагал.

— Не преувеличивай ее значимость, — мои слова были холоднее льдов Коцита. — Просто диковинка. Забавная игрушка, которая ненадолго развлекла меня.

Я посмотрел на него, вкладывая в свой взгляд всю силу векового превосходства.
— И она — моя. Только моя. Никто не должен касаться её. Никто. Понял?

Вельзевул замер. Он видел не просто брата. Он видел Князя Обвинителей. Архидемона, чья воля могла сокрушить целые миры. Он кивнул, коротко и резко.

— Как скажешь. Развлекайся со своей «игрушкой». — Он развернулся, его крылья задели косяк двери, осыпав каменную крошку. — Но не забывай про дела. Или я напомню тебе о них. Лично.

С этими словами он удалился, оставив за собой тяжёлое,

гнетущее молчание.

Я снова остался один. Но теперь тишина была иной. Она была наполнена угрозой. Мои маршалы смотрели на меня, ожидая приказа.

— Отправьте Легион Шёпота, — отдал я распоряжение, не глядя на них. — И оставьте меня.

Когда они исчезли, я подошёл к огромному, треснувшему зеркалу из обсидиана, что висело на стене. Моё отражение смотрело на меня — могущественное, вечное, но теперь в его глубине горела новая, всепоглощающая цель.

Вельзевул почуял что то интересное в ней. Другие почуют скоро. Ад — это улей, полный змей, и появление Эммы всколыхнуло его.

У меня не было времени на игры. Её амулет был слабой защитой. Её квартира — хрупким убежищем.

Всё кончено, Эммануэль. Игры в прятки закончены.

Я протянул руку и коснулся поверхности зеркала. Обсидиан задрожал и пошёл рябью, превратившись в портал. Сквозь него я видел тусклый свет утренней Москвы, крыши домов, а в центре — хрупкую нить, что вела прямо к ней.

Пришло время забрать своё.

Глава 5. Хрупкое убежище

Я захлопнула дверь своей квартиры, повернула ключ и щёлкнула засовом. Звук был громким, почти успокаивающим в гробовой тишине. Прислонившись лбом к прохладной поверхности дерева, я закрыла глаза и попыталась отдышаться.

Я дома.

Это была моя крепость. Моё единственное по-настоящему своё место. Стиль лофт — не потому, что это модно, а потому, что это было функционально и честно. Голые кирпичные стены, высокий потолок с открытыми балками, огромные панорамные окна, за которыми сейчас разгорался обычный московский день. Никаких лишних деталей, ничего, что могло бы удерживать энергию или память. Пространство, в котором можно было быть никем. Или просто Эммой.

Я прошла вглубь, мои кеды глухо стучали по полированному бетонному полу. Бросила сумку на длинный металлический стол, служивший мне и обеденной зоной, и кухонной столешницей. Всё было на своих местах. Стеклянная дверца душевой кабины, полка с книгами по архитектуре, которые я почти не открывала, скейт, пылящийся в углу. Всё было так, как я оставила. Ничто не говорило о том, что за последние двенадцать часов моя жизнь превратилась в сюрреалистический кошмар.

Я подошла к окну, глядя на суетящийся внизу город. Люди шли на работу, сигналили машины, жизнь текла своим чередом. Всего несколько часов назад я была одним из них. Теперь я чувствовала себя инопланетянкой, наблюдавшей за нормальным миром из-за стекла. Рука сама потянулась к амулету на груди. Он всё ещё был там, тёплый и безмолвный. «Сердце в пеленах». Я сжала его в ладони. Тишина внутри была обманчивой. Она не была пустотой. Это была тишина плотины, сдерживающей бушующий за ней поток. Я чувствовала свою силу — сонную, приглушённую, но всё ещё живую. И где-то на другом конце... его присутствие. Не явное, не агрессивное, как сначала. Теперь это было похоже на далёкий гул, на лёгкое давление в самой атмосфере, которое не исчезало, сколько бы я ни пыталась его игнорировать.

«Истинная пара». Судьба. Любовь.

Я фыркнула, и звук гулко отозвался в пустом пространстве. Какая любовь? Он даже не попытался что-то объяснить. Не попытался поговорить. Он просто... взял. А теперь какие-то древние книги пытались убедить меня, что это и есть высшее проявление предназначения.

Я прошла в спальню — минималистичное пространство с низкой кроватью и встроенным шкафом. Скинула с себя одежду, пахнущую дымом, чужими духами и страхом, и забросила её в дальний угол, возможно, навсегда. Включила воду в душе, и когда горячие струи ударили по коже, я почувствовала, как напряжение начинает понемногу отступать.

Я стояла, позволив воде смыть с себя пот, остатки косметики и, как мне хотелось верить, следы его прикосновений. Но одно было не смыть. Ту самую, новую, пугающую реальность. Я была связана с ним. Навеки. И амулет был лишь временной отсрочкой. Передышкой.

Выйдя из душа и завернувшись в большой, мягкий халат, я почувствовала истощение, валившее с ног. Я рухнула на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Глаза сами закрывались, но стоило мне погрузиться в забытие, как перед внутренним взором вставали его глаза — сначала холодные, а потом пылающие адским огнём. Его голос. Ощущение его силы, сокрушающей мою волю.

Я вскочила, сердце бешено колотилось, страх был густым и липким, как смола. Он найдёт меня. Я знала это с леденящей душу уверенностью. Все эти засовы и амулеты — детские забавы против того, кем он был. Вопрос был не в том, *придёт* ли он. Вопрос был в том, *когда*.

И что я буду делать, когда он появится на пороге моей хрупкой, функциональной, человеческой крепости? Снова побегу? Но куда? Библиотека дала мне знание, но не дала спасения. Я снова сжала амулет. Он был моим единственным щитом. Хрупким, временным, но единственным.

Прижав колени к груди, я уставилась в темноту за окном. Моя квартира, моё убежище, внезапно показалось огромной, пустой ловушкой. Я была как птица, загнанная в стеклянный ящик, пока за стеклом медленно, неумолимо сгуща-

лась тень сокола.

«Истинная пара». «Муж». Эти слова вызывали не сентиментальные чувства, а приступ горького, истерического хохота.

Да, конечно! Он не знал, когда начинал трахать меня в тех своих *роскошных вип-покоях*! Не знал, что я — та самая, последняя в роду, Эммануэль Дионис, «ключ к его душе» и прочая пафосная хрень! Он просто увидел очередную легкомысленную дурочку, пришедшую в клуб «забыться», и решил воспользоваться ситуацией. И воспользовался. С шиком, конечно. Не в грязном углу, а на шёлковых простынях. Без церемоний. Без нежностей. Как... как используют дорогую, но одноразовую игрушку.

Но потом... потом что-то щёлкнуло. Он почувствовал мою силу, эту дурацкую печать, что раскрылась в момент, когда он лишил девственности. И что? Это сделало его ласковее? Заботливее? Чёрта с два!

Как узнал — трахал так, как в последний раз...

С какой-то животной, окончательной яростью! Как будто не просто удовлетворял сиюминутную похоть, а вбивал меня, как гвоздь, в нашу «общую судьбу». Каждый его толчок был не про страсть, а про обладание. Про «теперь ты моя, и никуда не денешься».

И этот... этот мажорный выродок с рогами и крыльями, этот садист, который называет сексом акт болезненного заклеивания — мой «муж»? Мой «спутник судьбы»?

Я подняла голову и уставилась в тёмный потолок, словно могла увидеть сквозь него тех, кто там наверху за всем этим наблюдает.

— Небеса! — прошипела я в пустоту. — Вы там вообще охренели?! Это ваш план? Свести невинную (ладно, не совсем невинную в мыслях) девушку с демоническим муذاком, который даже не потрудился представиться настоящим именем, прежде чем затащить её в постель? Это ваша идея великой любви? Романтика по-адски?

От ярости у меня задрожали руки. Нет уж. Я не согласна. Я не какая-то вещь, которую можно найти, пометить и положить в свою коллекцию, пусть даже и под соусом «вечной судьбы». Этот амулет на мне — не просто защита. Это мой протест. Мой первый и единственный на данный момент способ сказать ему и всей этой кривой Вселенной: «Идите к чёрту без меня»

Пусть он ищет. Пусть придёт. Но когда он появится на пороге, он увидит не покорную невесту, а человека, готового драться за своё право на выбор. Мысль возникла внезапно, ярко и до абсурда ясно. Не магия, не побег через портал, не заклинания из древних фолиантов. Нет. Нечто более приземлённое, более... человеческое.

Да-да, я возьму сковородку и огрею его по его надменной физиономии!

Картинка вспыхнула в воображении во всех красках: он, весь такой могущественный и уверенный в себе, в своих до-

спехах, появляется в моём лофте с видом законного владельца. А я, вместо того чтобы падать в обморок или молить о пощаде, с невозмутимым видом подхожу к кухонной островной стойке, хватаю свою тяжёлую чугунную сковородку (идеально подходит для стейков, кстати) и со всей дури — бам! — прямо по его высокомерной, идеально выточенной роже.

Звук должен быть сочным. Глухим. И очень, очень уни- зительным.

Мысль звучала настолько бредово, настолько неадекватно ситуации и настолько... *классно*, что я рассмеялась. Сначала тихо, потом всё громче, пока смех не превратился в истерические рыдания, смешанные с хохотом. Я села на пол трясясь от хохота, слёзы текли по моему лицу, а в руке я сжимала во- ображаемую сковородку. Это было прекрасно. Это было моё маленькое, никчёмное, но такое сладкое бунтарство. Он — князь тьмы. Я — ходячая сквозь миры. Наша встреча долж- на потрясать миры, порождать новые реальности и менять баланс сил во вселенной.

А я мечтаю треснуть его сковородкой.

Небеса определённо охренели, но и я, кажется, не на мно- го от них отстаю.

Смех постепенно стих, оставив после себя странное, ще- мящее чувство облегчения. Страх никуда не делся. Предчув- ствие беды тоже. Но к ним добавилась крошечная, тлеющая искра чего-то своего. Не смирения, а готовности дать бой. Пусть и смешной, пусть и безнадёжный.

Я поднялась с пола, подошла к кухонному блоку и потрогала ручку той самой чугунной сковороды. Она была тяжёлой, холодной и очень, очень реальной.

— Готовься, «муж», — прошептала я, и на моих губах дрогнула улыбка. — У тебя будет... горячий приём.

Ходячая сквозь миры... Звучит так, будто я какая-то космическая путешественница, повидавшая тысячи вселенных.

А по факту? Максимум, где я побывала — это в той дурацкой библиотеке, куда меня едва не вырвало от тошноты при телепортации. И... один раз в Аду. Чисто случайно, по детской глупости, когда в двенадцать лет от испуга непроизвольно рванула портал прямо в вулкан. Ба чуть не поседела, вытаскивая меня оттуда. После этого все мои «способности» были закованы в такой плотный запрет, что я сама начала в них сомневаться. Я не повелительница пространств. Я — Эмма. Эмма Градская. Девушка с кучей проблем, нелепой судьбой и парой кривых трюков, которые доставили мне больше боли, чем пользы.

И именно меня Вселенная удостоила чести стать «второй половинкой» князю демонов. Меня, которая нормально пройти даже в соседний район без того, чтобы не вывернуть себе кишки, не может. Это была не судьба. Это был плохой анекдот. Я плюхнулась на барный стул, уставившись в тёмный экран телевизора. В своём отражении я видела просто испуганную девушку в большом халате. Никакой таинственной власти, никакого величия. Только усталость и страх.

Может, они все ошибаются? Может, я не та? Просто какая-то накладка в великом космическом реестре «истинных пар».

Голова шла кругом. Я закрыла глаза, чувствуя, как накачивается новая волна истощения. Бунт — это энергозатратно. Особенно когда твоё главное оружие — кухонная утварь, а противник — бессмертное воплощение зла.

Сковородка — это, конечно, символично, но пора переходить к реальной разведке. Если уж я связалась с демоном, пусть даже и «по праву вселенной», то должна знать врага в лицо. А где в наше время ищут правду? Правильно, в интернете. Я плюхнулась на диван, достала ноутбук и открыла браузер. Пару лет назад я наткнулась на скрытый от обычных пользователей форум «Тени и печати». Туда пробивались только свои, и доступ открывался после проверки магическим «капчи» — нужно было мысленно сдвинуть виртуальный артефакт. Тогда мне было просто любопытно, сейчас — вопрос выживания.

Я прошла проверку и форум загрузился. Интерфейс был выдержан в тёмных тонах, с анимированными рунами вместо стандартных иконок.

Поиск: «Самаэль»

Результаты выдали сотни тем. Я открыла первую попавшуюся, с названием «Иерархия Тьмы: от низших до верховных».

Пользователь **ShadowWeaver125** писал:
 «...не пу-

тайте Самаэля с рядовыми искусствителями. Это Князь. Один из Первых. Его сфера — не просто соблазн, а разложение самой воли, доведение до добровольного саморазрушения. Если почуял его внимание — беги. Не оглядывайся. Шансов нет».

Ниже пользователь **KeeperOfScrolls** ехидно добавил:
«Беги куда, Уивер? От Самаэля не убежишь. Он не преследует. Он является. Как закон природы. Как восход солнца. Только восход этот отбрасывает очень длинные и очень холодные тени».

Я сглотнула и открыла следующую тему: «Личный опыт: встреча с Повелителем Обвинителей».

Анонимный пользователь (видимо, чтобы не навлечь на себя гнев) делился:
«Он пришёл за моим контрактом. Не с угрозами. Он сел напротив, посмотрел своими пустыми глазами, и ты сам начинаешь вспоминать ВСЕ свои грехи, все мелкие пакости, всю ту грязь, что пытался забыть. И понимаешь, что он — твоё заслуженное наказание. Подписал всё, что он просил. Лишь бы он ушёл. Лишь бы этот взгляд прекратился».

Комментарий ниже был от **BloodyMary**:
«Повезло, что ты вообще остался жив. Говорят, он редко собирает контракты лично. Значит, ты был ему для чего-то нужен. Молись, чтобы больше не понадобился».

Становилось не по себе. Я открыла ещё один тред, просто озаглавленный «Самаэль».

Fallen_One_666 задавал вопрос:
«Ребят, а он прав-

да коллекционирует диковинки? Слышал, у него есть целая галерея существ, которых больше нигде нет».

Ответ от **Strix** был кратким и пугающим:
«Коллекционирует. Но не вещи. Души. Или тех, кто представляет для него интерес. Если попал в его поле зрения — ты уже в коллекции. Разница лишь в том, на какой полке окажешься».

Я откинулась на спинку дивана, пытаюсь переварить информацию. Всё, что я читала, сходилось в одном: он был неумолим, всесилен и опасен на уровне, который я даже не могла осознать. Моя дерзкая идея со сковородкой теперь казалась не просто смешной, а откровенно суицидальной.

В самом низу страницы я нашла то, что искала. Небольшой комментарий в старой теме о пророчествах.

Пользователь под ником **Echo_of_Chaos** написал:
«Шепчутся, что Князь нашёл свою Пару. Ту самую, из старых легенд. Ходячую. Если это правда, то всем нам — и Тьме, и Свету — скоро придёт нехилый пиздец. Баланс сил треснет по швам».

Кто-то спросил: «А кто она?»

Ответ был таким:
«Кто её знает. Говорят, последняя в роду. Древняя сила. Самаэль её уже отметил. Теперь никому не подступиться — он её в свою коллекцию записал, и он с ней разбираться будет. Лично».

Я медленно закрыла ноутбук. Мои пальцы дрожали.

Всё было правдой. Хуже того, об этом уже знали. Обо мне сплетничали на форумах, как о каком-то редком экспонате.

«Отметил». «Записал в коллекцию». «С ней разобраться будет».

Я была не его судьбой. Я была его новой диковинкой. И, судя по всему, у его «диковинок» не было возможности отказать.

Ну супер! Просто прекрасно. Демон-собственник. Мой так называемый «муж».

Это слово теперь вызывало во рту вкус гари и железа. Не партнёр, не возлюбленный, не вторая половинка. *Собственник*. Как владелец раритетной машины или редкой картины. Нашёл, приобрёл, поместил под стекло. И теперь имеет полное право делать с экспонатом что захочет: любоваться, переставлять с полки на полку, а если надоест — выбросить на свалку. Только вот, согласно тем же дурацким пророчествам, выбросить он меня не мог. Значит, вечная пыль на самой дальней полке его коллекции.

Я снова представила его лицо — то самое, надменное и прекрасное, с холодными глазами, в которых читалось лишь одно: «Ты моя вещь». И моя ярость, недавно такая яркая и почти что победоносная, начала закипать с новой силой. Но теперь это была не истеричная злость, а холодное, обдуманное бешенство.

Он думает, что всё решено? Что он может просто объявить меня своей и ждать, когда я смирюсь? Как он посмел? Даже не спросив, даже не попытавшись... что? Объясниться? Ухаживать? Нет, для него всё это — ненужные формально-

сти. Судьба, мол, всё расставила по местам.

Я вскочила с дивана и принялась метаться по лофту. Мои шаги отдавались гулко в пустом пространстве.

— Нет уж, — бормотала я себе под нос. — Нет, дорогой «муж». Так не пойдёт.

Он — сила. Древняя, всесокрушающая. Я — пока что никто. «Ходячая», которая нигде не была. Но у меня есть кое-что, чего нет у него. Упрямство. И полное, тотальное, до мозга костей непринятие того, чтобы мной владели. Хренушки!

Я подошла к окну и уперлась ладонями в холодное стекло. Где-то там, в этих адских чертогах, он, наверное, уже строит планы, как обустроить свою новую «коллекционную» жизнь с новым «экспонатом». Может, готовит для меня особую клетку, где он будет брать меня.. Или, что более вероятно, просто явится сюда, чтобы забрать.

Ну что ж. Пусть явится.

Он думает, что пришёл за своей собственностью. А найдёт дикую кошку, которая будет царапаться до последнего вздоха.

— Приезжай, «муж», — прошептала я в стекло, за которым сгушались сумерки. — Приезжай и попробуй забрать. Посмотрим, кто кого коллекционировать будет.

Воинственность, подпитанная отчаянием и яростью, — штука энергичная, но недолговечная. Она выгорела так же быстро, как и вспыхнула, оставив после себя тяжёлую, давящую пустоту. Я стояла посреди своего лофта, и всё моё

«бунтарство» вдруг показалось жалким детским утренником. Сковородка против Князя Тьмы. Да он, наверное, сдохнет... от смеха.

Нужно было что-то делать. Что-то, что помогло бы склеить разбитые осколки моей реальности. И мой мозг, отчаянно ища выход, выдал единственное логичное в данной ситуации решение.

Алкоголь.

Я подошла к минималистичной стойке-бару, выдернула из неё первую попавшуюся бутылку — выдержанный шотландский виски, купленный когда-то для вида, — и налила себе добрую порцию в стакан. Плеснула туда колы из банки, стоявшей в холодильнике. Пить виски в чистом виде было выше моих сил — горькое напоминание о его вкусе во рту, о его дыхании, пахнущем дорогим дымом и вечностью.

Я сделала большой глоток. Сладковато-горькая жидкость обожгла горло, и тепло тут же разлилось по телу, притупляя острые углы страха и гнева. Да, определённо. Без этого сейчас — никуда. Я плюхнулась обратно на диван, прижав стакан к груди, и почувствовала волну такого тоскливого, такого всепоглощающего одиночества, что у меня перехватило дыхание.

С кем я могу этим поделиться? Позвонить подруге и сказать: «Привет, а мне сегодня ночью архидемон, оказывается, власть имущий, лишил девственности, и теперь я его «истинная пара» по велению судьбы, и он, наверное, скоро при-

дёт меня забирать»? Меня бы либо подняли на смех, либо моментально сдали в психушку.

Друзей в мире сверхъестественных существ у меня не было. Бабушка растила меня в изоляции, в страхе, что меня обнаружат. И её страх оказался пророческим. Сейчас она — последний человек, которому я могу всё это рассказать. Ей уже за... даже не знаю, за сколько. За тысячу? Больше? Она всегда была просто «Ба» — древняя, строгая, пахнувшая травами и тайнами. Но я видела этот ужас в её глазах, когда она говорила о демонах. Рассказать ей, что её худшие кошмары сбылись? Что её внучка, которую она пыталась уберечь, теперь помечена самим Самаэлем? Я представляю, как побледнеет её морщинистое лицо, как задрожат руки... Нет. Я не могу нанести ей такой удар. Она вырастила меня, защищала как могла. Теперь моя очередь защищать её. Хотя бы от правды.

Значит, я была совсем одна. Одна с бутылкой виски, стаканом колы и невероятной, абсурдной судьбой, с которой мне предстояло разбираться в одиночку.

Я допила свой коктейль и налила ещё, уже не разбавляя. Второй глоток был уже не таким жгучим. Третьим я попыталась смыть вкус его поцелуя. Четвёртым — заглушить эхо его голоса: «Ты моя».

Так, ладно. К чёрту этого так называемого «будущего мужа». К чёрту судьбу, пророчества и всю эту сверхъестественную хрень. Мне завтра на работу.

Мысль прозвучала настолько абсурдно-нормально, что на мгновение вернула меня в реальность. Да-да, не удивляйтесь. Всё так запутанно и мистически, а у меня смена в семь утра.

Я работаю медсестрой. В травматологии, если конкретно. После того как Ба перестала меня чему-то учить — видимо, решив, что лучше быть серой мышью, — мне нужно было как-то существовать в человеческом мире. Я пошла в медучилище. И знаете что? У меня получилось. Я ставлю уколы, делаю перевязки. Вид крови и сломанных костей меня не пугает. После бабушкиных сказок о вырванных сердцах и демонических ритуалах это сущие пустяки.

Я посмотрела на свои руки. Те самые руки, которые только что сжимали амулет и воображаемую сковородку, завтра будут уверенно держать шприц, накладывать лонгету, успокаивать испуганных пациентов. И да, острые предметы я держать умею. Скальпели, иглы — пожалуйста. Пусть он со своей демонической мощью попробует подойти ко мне, когда у меня в руке будет игла.

Я допила виски, поставила стакан в раковину и твёрдо направилась в ванную чистить зубы. Завтра — работа. А там посмотрим. Может, за день ничего катастрофического не случится. Может, он передумает. Может... Сотня других «может», в которые я отчаянно пыталась верить, пока зубная паста заполняла рот свежей мятной прохладой, смывая вкус алкоголя и... его.

Глава 6. Реальность трещит по швам

Утренний свет, пробивавшийся сквозь панорамные окна, казался слишком ярким и нарочито обыденным. Тело ныло, напоминая о ночном потрясении, но я заставила себя встать, принять душ и натянуть привычную униформу — белые штаны и блузку, которые были моим повседневным доспехами. В них я была не Эммануэль Дионис, не «ходячей» и уж тем более не «истинной парой». Я была просто Эммой Градской, Эммой Викторовной, медсестрой.

Амулет я спрятала под блузку. Пока он на мне, я могла притворяться, что всё в порядке.

Метро было переполнено, как всегда. Я втиснулась в вагон, чувствуя, как меня сдавливают со всех сторон. Обычно я ненавидела эти утренние поездки, но сегодня давка и запах чужих тел, пота и кофе были... утешительными. Это была реальность. Человеческая, простая, понятная. Никаких демонов, никаких пророчеств. Только уставшие люди, едущие на работу.

Я закрыла глаза, позволяя ритму подземки укачать свои тревоги. Всего на несколько часов. Всего на одну смену.

Клиника встретила меня знакомым запахом антисептика. Я прошла к регистратуре, где за стойкой, как всегда, сидела

Линда.

— Привет, Эмма! — её голос, хрипловатый от многолетнего курения, прозвучал бодро.

Линда была нашей «мамочкой» — тётечкой лет пятидесяти с добрыми глазами и вечной чашкой чая в руке. Она всегда знала, у кого из персонала какие проблемы и пыталась всех примирить.

Я заставила себя улыбнуться. Настоящей, широкой улыбкой, от которой щёки начали болеть. — Привет, Линда! Ты сегодня просто секси!

Линда смутилась, покраснела и захихикала, махнув на меня рукой. — Ах, Эммочка, перестань! Старуху разводишь! Сама-то ничего, не помятая что-то сегодня, а обычно после выходных, как зомби приходишь.

Её слова были как глоток свежего воздуха. Никакого подтекста, никакого знания о том, что творится у меня внутри. Просто обычный, лёгкий трёп.

— Да так, выпалась, — соврала я, чувствуя, как маска нормальности начинает прирастать к лицу.

— Ну, беги, красавица, — Линда кивнула в сторону отделения. — У нас сегодня полное отделение. Драка в баре, похоже. Двоих уже привезли.

— Отлично, — бодро ответила я, и на секунду мне стало искренне хорошо. Драка в баре. Сломанные носы, расчёсанные брови. Что-то простое, что можно починить. Зашить, загипсовать, выписать обезболивающее. Никаких вечных уз,

никаких душ, сплетённых воедино.

Я прошла в отделение, в ординаторскую. Надела белый халат, поправила волосы. В отражении в стеклянной дверце шкафчика на меня смотрела обычная девушка. Немного уставшая, но собранная. Ничто не выдавало в ней ни жертву демонического насилия, ни невесту апокалипсиса.

Прозвенел звонок, оповещающий о поступлении нового пациента. Я глубоко вздохнула, взяла планшет с историями болезней и вышла в коридор. На несколько часов я могла забыть. Я была просто медсестрой. А всё остальное... всё остальное могло и подождать.

Я как раз заканчивала перевязку парню с рассечённой бровью — результат той самой ночной драки. Он кряхтел, но терпел. Я чувствовала странное удовлетворение, наблюдая, как аккуратные швы превращают кровавое месиво обратно в лицо. Всё можно починить. Ну, почти всё.

И тут дверь в перевязочную приоткрылась, и внутрь просунулась знакомая ухмыляющаяся физиономия.

— Опа, Эмма! — бархатный голос Алексея прозвучал так же непринуждённо, как и за стойкой своего бара.

Я вздрогнула так, что чуть не уронила пинцет. Мой пациент удивлённо перевёл взгляд с меня на демона.

— Алексей? — выдавила я, пытаюсь сохранить профессиональное спокойствие. — А ты что здесь делаешь?

Он вошёл, ловко прикрыв за собой дверь. На нём была не барная униформа, а дорогой костюм, но от него всё равно ве-

яло лёгким хаосом и запахом озона. Он бегло окинул взглядом перевязочную, моего пациента и мои руки в перчатках.

— Да вот, заходил по делу, — небрежно махнул он рукой. — Контракт с одним... человечком подписывали. Обычная рутина. А тебя увидел — ну, думаю, найду, поздороваюсь.

Он подошёл ближе, игнорируя ошарашенный взгляд моего пациента, и понизил голос до интимного, заговорщицкого шёпота, который, однако, был отлично слышен в маленькой комнате.

— А тут, слушок, один прошел... — его глаза блеснули одновременно с сочувствием и злорадством. — Решил предупредить. Говорят, наш общий друг, Самаэль... в тебе свою *жену* почуял.

Последнее слово он произнёс с таким сладким ударением, что у меня по спине пробежали мурашки. Всё моё временное спокойствие рухнуло в одно мгновение. Маска нормальности треснула.

— Что? — выдохнула я, чувствуя, как кровь отливает от лица.

— Ага, — Алексей кивнул, явно наслаждаясь эффектом. — По всему Нижнему Миру только и разговоров. Князь наш обрёл, понимаешь, свою вторую половинку. Ходячую. Последнюю в роду. Все в шоке, все в трепете. Ну, я сразу подумал — да это ж про нашу Эмму! Так и есть?

Я не могла пошевелиться. Это был кошмар. Не только он знал. Все. Весь этот... «Нижний Мир» обсуждал мою личную

жизнь, как последние сплетни.

— Не сеййчас! Алексей!, — прошипела я, сжимая пинцет так, что металл впился в перчатку.

— Ладно, ладно, не кипятись, — он поднял руки, но ухмылка не сходила с его лица. — Хотел как лучше. Чтобы ты, так сказать, была в курсе. Теперь готовься, дорогая. Тебя уже, считай, на аукционе купили. Осталось только забрать лот.

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге обернулся.
— И, кстати, с контрактами у него, у Самаэля, железно. Никаких отказов. Так что... смирись.

Дверь закрылась за ним. В перевязочной повисла гробовая тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием моего пациента. Он смотрел на меня круглыми глазами.

— Эмма... а это... кто? — робко спросил он.

Я медленно выдохнула, пытаюсь вернуть себе самообладание. Руки дрожали.

— Это... — я заставила себя улыбнуться, и улыбка получилась кривой и вымученной. — ...мой бывший. Неадекват. Не обращайтесь внимания.

Я закончила перевязку на автопилоте, движениями, выученными до автоматизма. Но внутри всё кричало. Слухи. Уже слухи. Значит, времени у меня ещё меньше, чем я думала.

Выйдя из перевязочной, я прислонилась к холодной стене коридора, пытаюсь перевести дыхание. Моё укрытие, моя

иллюзия нормальной жизни только что была грубо взломана. И теперь я знала — ждать осталось недолго. Я стояла в коридоре, прислонившись лбом к прохладной кафельной плитке, пытаюсь загнать обратно поднимающуюся панику. Демон в перевязочной, слухи в Аду... Всё рушилось с оглушительной скоростью.

И тут раздался тихий шорох и озабоченный голос:

— Деточка... а я слышала разговор.

Я вздрогнула и резко выпрямилась. Передо мной стояла Линда. Её доброе лицо было сморщено от беспокойства, а в глазах читалось неподдельное участие. Она украдкой оглядела коридор и понизила голос до конспиративного шёпота.

— Этот твой... Алексей, кажись... говорил про какого-то Самаэля. И что он, выходит, твой муж? — она выжидающе посмотрела на меня.

У меня перехватило дыхание. Она слышала. Она слышала *имя*.

— Линда, нет... это не... — я попыталась найти хоть какое-то вменяемое объяснение, но мозг отказался работать.

— А имя-то какое прикольное! — вдруг весело сказала Линда, и её лицо расплылось в улыбке. — Самаэль. Звучит-то как! Сейчас модно по-всякому называть, не то что в наше время — все сплошь Лены да Светы. Так и Люциферами скоро детей называть будут, ничего удивительного!

От этой невероятной, сюрреалистичной реакции у меня внутри что-то надорвалось. Смех, горький и истеричный,

подкатил к горлу и вырвался наружу в виде громкого, нелепого ика. Я икнула, зажала рот рукой, но это не помогло — второе икание прозвучало ещё громче.

Это была истерика. Смесь абсолютного ужаса от того, что она слышала, и дикого, неконтролируемого веселья от её простодушной реакции. Князь Тьмы, Предвечный Обвинитель... и «прикольное имя».

— Вот, вот, — Линда одобрительно кивнула, приняв мою икоту за смущение. — Я же вижу, ты вся в радости! Ну и хорошо! Главное, чтобы человек хороший был, а как звать — дело десятое. Хоть Самаэлем, хоть... Абаддоном! — она сама рассмеялась своему шутку.

Я икала, пытаюсь одновременно сдержать смех и слёзы. Это было слишком. Слишком абсурдно.

— Лин... Линда, — я икнула снова, едва выговаривая слова. — Он... он не совсем... человек.

— Ну и что? — она махнула рукой. — Лишь бы не бил и по морде не бил. А остальное — ерунда. Ну, беги, работай! А то у нас там новый пациент с вывихом плеча заскучал уже.

Она повернулась и зашаркала в сторону регистратуры, оставив меня одну в коридоре с приступом икоты и с сознанием, что реальность окончательно и бесповоротно поехала кукухой.

Я стояла, икая и пытаюсь прийти в себя. Линда с её «прикольным именем» и готовностью принять моего «мужа» Абаддона была лучшим и одновременно худшим, что слу-

чалось со мной за последние сутки. Это доказывало, что я всё ещё могу быть частью этого нормального, глупого, прекрасного человеческого мира. Но это же и подчёркивало всю пропасть, которая лежала между этим миром и моей новой реальностью.

Где-то там, в демонических чертогах, архидемон Самаэль решал, когда явиться за своей «женой». А здесь, в травматологии, милая тётя Линда беспокоилась, чтобы он меня не бил.

Я с силой выдохнула, и икота наконец отступила. Оставалась только горькая, солёная на вкус решимость. Каким бы безумием это ни было, я должна была держаться за этот мир. За Линду, за перевязки, за драки в барах. Потому что это было всё, что у меня осталось.

— Кстати, Эмма, тебя там в третьей перевязочной ждут!
— крикнула Линда, уже отходя.

— Да, спасибо, иду! — бросила я через плечо, автоматически направляясь в нужную сторону.

Мозг всё ещё перерабатывал абсурдность ситуации с Линдой, а тело действовало на автопилоте. Я натянула свежую пару стерильных перчаток, отточенным движением расправляя резину у запястья. Подойдя к двери третьей перевязочной, я, не глядя в стеклянное окошко, боком толкнула дверь плечом, привычно экономя секунды.

— Здравствуйте, я ваша медсестра Эмма, — произнесла я стандартную фразу, всё ещё поправляя перчатку на левой

руке. — Что у вас стряслось?

Я подняла глаза.

И мир остановился.

Он стоял, облокотившись о стену, в самом центре небольшой стерильной комнаты. Как тогда, в черной футболке и кожаных брюках. Руки были скрещены на груди, а его взгляд — эти бездонные, холодные глаза — был прикован ко мне. На его губах играла та самая, едва заметная, властная улыбка.

— Ну, привет, жена.

Его голос был тихим, но он заполнил собой всё пространство, вытеснив воздух, звуки из коридора, саму реальность. Он прозвучал не как нежное приветствие, а как констатация факта. Как напоминание о моём новом, неоспоримом статусе.

Я замерла на пороге, не в силах пошевелиться. Перчатка на моей правой руке так и осталась не до конца натянутой, болтаясь беспомощным синим лоскутом. В ушах зазвенело. Амулет под блузкой внезапно стал ледяным, будто пытался противостоять его близости, но его приглушающий эффект был теперь подобен паутине против урагана.

Он был здесь. В моём мире. В моей больнице. В моей перевязочной.

И он смотрел на меня так, словно это была не перевязочная, а его личные покои, а я — его собственность, которая наконец-то была доставлена куда следует.

Все мои планы, вся моя воинственность, все мысли о скородках и медицинских иглах — всё это испарилось, оставив лишь один, первобытный, всепоглощающий страх.

Он нашёл меня. Игра в прятки была окончена.

— Простите, вы ошиблись дверью, — выпалила я на одном дыхании, голос дрогнул, но выдержал.

Я не стала ждать ответа. Рывком выскочила назад, в коридор, и с силой захлопнула дверь, словно пытаясь запереть в той комнате самого дьявола. Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Я прислонилась спиной к холодной стене, пытаясь перевести дух.

— Эмма, ты уж всё что ли? Быстро справилась! — донёсся голос Линды из-за угла.

Я зажмурилась, заставляя свой голос звучать ровно, почти безразлично.
— Да, Линда, давай следующего!

— Тогда во вторую или...
— Хорошо! — перебила я её, слишком быстро, почти отчаянно. — Во вторую! Иду!

Я оттолкнулась от стены и почти побежала в противоположном конце коридора, подальше от третьей перевязочной. Ноги были ватными, в висках стучало. Каждый нерв звенел тревогой.

Он здесь. Он прямо здесь.

Я заскочила во вторую перевязочную, захлопнула дверь и прислонилась к ней, как будто могла удержать её силой собственного ужаса. Комната была пуста. Стерильный белый свет, запах антисептика. Убежище. Хрупкое и ненадёжное.

Он не стал меня останавливать. Не вышел вслед. Это было самое пугающее. Его уверенность была абсолютной. Он позволил мне убежать, как кошка, которая знает, что мышке некуда деться.

Я сжала дрожащие руки в кулаки, пытаюсь взять себя в руки. Но внутри всё кричало одно: побег не удался. Он нашёл меня. И теперь знает, где я работаю. Моя последняя крепость пала.

Я стояла, прислонившись к двери, и вся моя сущность взбунтовалась против одной только мысли. Эта его самодовольная, всеведущая ухмылка! Эти глаза, которые смотрели на меня, будто я уже была его вещью, аккуратно упакованной и ожидающей на полке!

Боги, он уже знает, что я его!

От этой мысли по коже пробежали мурашки, но следом за ними хлынула новая, ядрёная волна ярости. Та самая, что заставляла меня хвататься за сковородку и строить безумные планы.

Чёрта с два! Хрен ему!

Он может быть кем угодно — Князем Тьмы, Первым из Падших, владыкой чёрт знает чего. Он может чувствовать нашу связь, может читать мою судьбу в звёздах, для всех желающих. Но он не может заставить меня принять это и сказать "да".

Пусть идёт и трахает кого угодно! Ангелов, демонниц, целый легион бесов — мне плевать! Но ко мне не приближа-

ется!

Мысль была дикой, дерзкой и, возможно, самоубийственной, но она заставила кровь снова бежать быстрее, вытесняя парализующий страх. Я выпрямилась, с силой выдохнув.

Муж, блин... Муж обьелся грии!

Эта простая, грубоватая поговорка, которую я когда-то слышала от Ба, пришла на ум сама собой. Она идеально описывала всю абсурдность его притязаний. Он вообразил себя моим мужем? Фантазёр. Выдумщик.

Я резко расправила плечи, скомкала дрожащие перчатки и выбросила их в урну. Затем подошла к раковине и с силой умылась ледяной водой, стараясь смыть с лица следы паники и прикосновение его взгляда. Он думал, что всё предрешиено? Что он может просто явиться и объявить меня своей женой? Ну уж нет. У меня есть своя воля. Своя жизнь. Своя работа, где я кому-то нужна не как «ходячая» или «истинная пара», а как Эмма, которая может остановить кровь и наложить швы.

Я вытерла лицо бумажным полотенцем и твёрдо посмотрела на своё отражение в зеркале. Глаза были ещё слишком широкими, но в них уже не было прежнего ужаса. Теперь в них горел вызов.

Хорошо. Он нашёл меня. Он заявил о своих правах. Но это ещё не конец. Это только начало войны. А на войне все средства хороши. Даже самые дурацкие. Даже сковородки. Я до конца вытерла лицо, пытаюсь собраться с мыслями,

как почувствовала знакомое леденящее присутствие. Я резко обернулась и отпрыгнула от раковины, как ошпаренная.

Он стоял в дверях второй перевязочной, заполняя собой всё пространство. Его взгляд медленно, с томной насмешкой скользнул по моей униформе.

— Мм... униформа медсестры, — произнёс он, и его голос был густым, как тёплый мёд, с примесью яда. — Мне нравится.

— Уйди, извращенец! — вырвалось у меня, голос дрогнул от ярости и унижения.

Его брови чуть приподнялись, а на губах заиграла та самая раздражающе самодовольная ухмылка.
— Почему же извращенец? — он сделал шаг вперёд, и комната казалась меньше. — Это ведь ты пришла в клуб лишаться девственности. И лишилась её. Со своим мужем. — Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание. — По-моему, это не извращение. Это ирония судьбы. Довольно изящная, не находишь?

От его слов меня затрясло. Он вывернул всё наизнанку, превратив мой отчаянный поступок в нелепую шутку, в подтверждение его прав.

— Это не ирония, это кошмар! — прошипела я, отступая, пока спиной не уперлась в холодную кафельную стену. Бежать было некуда.

— Смотря для кого, — он парировал, всё так же не спеша приближаясь. Его взгляд приковал меня к месту. — Ты

получила то, что хотела. А я... я обрёл то, что искал тысячелетия. Все довольны.

— Я не довольна! — почти крикнула я, сжимая кулаки.
— Я не вещь! И ты не мой муж!

— О, но это уже не ты решаешь, моя строптивая невеста,
— он оказался в сантиметре от меня, его дыхание опалило кожу. — Печать пробуждена. Узы скреплены. Ты можешь сколько угодно топтать ножкой и размахивать сковородкой...
— он бросил взгляд на мои сжатые кулаки, — ...но от себя не убежишь. И уж тем более — от меня.

Он протянул руку, собираясь коснуться моего лица, но я рванулась в сторону, к столу с инструментами.

— Не подходи! — мой голос сорвался на визг. Я схватила первый попавшийся предмет — большой хирургический зажим. Он блеснул в свете лампы. — Я тебя... я тебя пошью!

В его глазах вспыхнула искра настоящего, живого интереса, смешанного с насмешкой.
— Уже пытаешься примерить на себя роль жены? Заботиться о моём... здоровье? — он рассмеялся, и звук был низким и вибрирующим. — Мило. Но драгоценность не должна марать руки оружием. Её удел — сиять в оправе.

Он сделал ещё один шаг, и пространство вокруг нас сгустилось, стало тягучим. Моя рука с зажимом задрожала.

— А теперь, — его голос стал тише, но от этого лишь властнее, — мы закончим этот фарс. Ты уходишь со мной. Сейчас.

— Иди ка ты в жопу сиять в оправе! — выкрикнула я, и слова, грубые и полные отчаяния, прозвучали как боевой клич. — Я лучше руки замараю, чем буду твоей куклой!

Я с силой сжала хирургический зажим, чувствуя, как холодный металл впивается в ладонь. Это было не оружие. Это был символ. Символ моего выбора. Моей грязной, неидеальной, но *моей* жизни.

— А сейчас — брысь отсюда, демонюка!

Я сделала шаг вперёд, вопреки всему инстинкту самосохранения, который кричал отступать. Я замахнулась зажимом, не для того чтобы ударить — я не была настолько глупа, — а как жестом, отгоняющим нечисть. Чтобы отвоевать своё пространство. Свою волю.

Его ухмылка не исчезла, но в глазах промелькнуло нечто новое, азарт охотника, чья добыта внезапно показала клыки.

— Демонюка? — он мягко повторил, и в его голосе слышалось насмешливое удивление. — Как трогательно. Ты пытаешься оскорбить меня, называя тем, кем я являюсь. Это всё равно что назвать солнце — горячим.

Он не отступил, но и не приблизился дальше. Его взгляд скользнул с моего лица на зажим в моей дрожащей руке.

— Ты предпочитаешь пачкать руки, — констатировал он, и в его тоне появилась странная, почти философская нота. — Лечить этих хрупких, смертных существ. Чинить их ломающиеся тела. Это и есть твой бунт? Жалко.

— Это не жалко! — парировала я, всё ещё держа зажим

наготове. — Это реально! Они чувствуют боль, они боятся, они надеются! Это жизнь! А не какая-то... космическая предопределённость для украшения твоего трона!

Впервые на его лице мелькнула тень настоящей эмоции. Лёгкое, едва заметное раздражение.

— Ты думаешь, их жизнь чего-то стоит? — он мягко спросил. — Миг между рождением и тлением. Вспышка, которую даже не заметят.

— Для меня стоит! — крикнула я, и в голосе прозвучали слёзы, которые я отчаянно сдерживала. — И для них тоже! И это моё право — выбирать, что для меня важно!

Мы стояли друг напротив друга в стерильной белой комнате — архидемон и медсестра с хирургическим зажимом. Абсурдная, невозможная картина.

Он медленно покачал головой. — Твоё право... — произнёс он, и слово «право» прозвучало как нечто чужеродное, детское. — Ты ещё поймёшь, как ошибаешься. Но сегодня... — он отступил на шаг, и давление его ауры ослабло. — ...я дам тебе насладиться этой иллюзией. Играй в свою игру. Пачкай руки. Но помни...

Он повернулся, и тень от него удлинилась, коснувшись меня. — ...я не прошу. Я жду. И моё терпение не вечно. И когда оно закончится, а это, поверь, произойдет очень скоро, я возьму тебя в Ад.

Дверь захлопнулась, оставив меня в оглушительной тишине, нарушаемой лишь бешеным стуком собственного сердца.

Я стояла, опираясь о холодный металл стола, и дрожала — не от страха теперь, а от чистой, концентрированной ярости.

— Боги, за что?! — прошипела я в пустоту, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Что это за альфа-самец среди демонов?!

Воздух, казалось, всё ещё вибрировал от его напыщенно-го, властного присутствия. Этот взгляд, полный собственного-ческого удовлетворения! Эти слова, будто высеченные на каменных скрижалях его бесконечного эго!

— С чувством собственности до тошноты! — я с силой выдохнула, чувствуя, как меня чуть ли не рвёт от отвращения. — Они что, все такие в Аду? Прошли курс молодого демона-самца? «Увидел — значит твоё, хочу — беру, возражения не принимаются»? Тьфу!

Я схватила со стола упаковку со стерильными салфетками и швырнула её в урну. Не от того, что она была ему чем-то неужодна, а просто чтобы выпустить пар.

— И самое мерзкое... — я продолжила, обращаясь теперь к воображаемому собеседнику, — ...что он с женщиной общаться не умеет! Вообще! Ни капли! Ни намёка на диалог! Только приказы, заявления и этот... этот взгляд свысока, будто я не человек, а интересный экспонат, который внезапно заговорил невпопад!

Я представила его лицо — это самодовольное выражение, будто он только что решил сложнейшую математическую задачу, а я — всего лишь переменная в его уравнении.

— «Печать пробуждена. Узы скреплены», — передразнила я его бархатный голос, коверкая его в гнусный, напыщенный шёпот. — Да иди ты! Может, тебе ещё на лоб себе печать поставить, что ты царь и бог? Или на свою корону? А то вдруг забудешь, какой ты важный!

Горькая усмешка вырвалась наружу. Всё это было так чудовищно, так нелепо, что уже не пугало, а бесило до глубины души.

Вот он, мой «супруг», подаренный судьбой. Не чуткий возлюбленный, не пылкий соблазнитель, а ходячее воплощение токсичной маскулинности, возведённой в абсолютизм и приправленной силой, способной уничтожать миры. Просто подарок. Я глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь. Нет. Он не получит того, чего хочет. Он может быть сильнее, древнее, могущественнее. Но он не заставит меня смириться. Никогда.

На нервах, всё ещё переполненная адреналином и яростью, я направилась к стойке медсестёр, где Линда разбирала какие-то бумаги. Она подняла на меня взгляд, полный неподдельного любопытства и заботы.

— Эмма, а я слышала разговор... — начала она, понизив голос. — Это твой муж, что ли, был? Тот, в чёрном? Я его в коридоре мельком видела, когда он уходил.

Она присвистнула, её глаза блеснули чисто женским восторгом.
— Сексуальный, надо сказать. Такой... brutalный. Мужик, что надо. — Она сделала паузу, и на её лице

появилось понимающее выражение. — Но характер, я смотрю, сразу видно — с говнецом.

От этой неожиданной, но на удивление точной характеристики моё напряжённое внутреннее состояние лопнуло. Я заржала. Громко, истерично, с оттенком горького облегчения. Слезы выступили на глазах, но на этот раз — от смеха.

— Да-да, Линда, — выдавила я, пытаюсь отдышаться. — Точно. С говнецом. Прямо целый запасник.

— Ну, я так и поняла! — Линда удовлетворённо кивнула, как будто только что поставила точный диагноз. — По походке видно. Идет так, будто весь мир ему должен. И взгляд... пустой какой-то, без души. Красивая упаковка, а внутри — сплошное самолюбование.

Она вздохнула и потянулась за своей кружкой.
 — Такие, деточка, редко меняются. Или смиришься, или беги, пока не поздно. Хотя... — она снова окинула меня оценивающим взглядом, — ...тебе, кажись, смирение — не в характере. Вижу я тебя.

Её слова, такие простые и житейские, снова вернули меня на землю. В этом безумии, в котором я оказалась, Линда со своим «с говнецом» была якорем нормальности.

— Не в характере, — подтвердила я, и улыбка на моём лице наконец стала чуть менее вымученной. — Совсем не в характере.

— Ну и правильно! — Линда хлопнула меня по плечу. — Теперь иди, работай, отвлекись. А то щас начнёшь о нем ду-

мать, ещё жалеть начнешь. Не надо жалеть мужиков с характером. Они этого не стоят.

Я кивнула и, с новыми силами, отправилась к следующему пациенту. Линда была права. Нельзя было давать ему занимать все мои мысли. У меня была работа. Была жизнь. И пусть у моего «мужа» характер был не просто с «говнецом», а с целой токсичной свалкой, это не значило, что я должна была дышать этим воздухом.

Глава 7. Не про любовь

Она вышла. Захлопнула дверь. Я остался в пустой, пахнувшей антисептиком комнате, и тишина, которую она оставила после себя, была оглушительной.

Интересно.

Слово отозвалось во мне, как низкий удар колокола. Я не ожидал такого... напора. Такой яростной, почти животной реакции. В её глазах читался не просто страх — отторжение. Глубокое, фундаментальное, как сама её природа.

Она кричала. Размахивала хирургическим инструментом, как первобытный воин дубиной. Это было одновременно смешно и... восхитительно. Большинство существ при виде меня либо падали ниц, либо обращались в бегство. Эта же — эта хрупкая, взъерошенная *девчонка* — бросала мне вызов.

«Иди ка ты в жопу сиять в оправе!»

Я мысленно повторил её слова, и на моих губах появилась улыбка.
Грубая. Примитивная. Но какая живая. В её голосе не было подобострастия, присущего обитателям моих чертогов. Не было и подобранной лести придворных. Была лишь голая, ничем не приукрашенная правда её гнева.

Она предпочла бы «замарать руки», чем принять предназначенную ей роль. Она цеплялась за свой жалкий, мимолётный мир сломанных костей и человеческих страданий, как будто в этом был какой-то смысл.

Наивно. Прелестно в своей наивности.

Я вышел из перевязочной, не касаясь двери. Пространство сжалось и выплюнуло меня в безлюдный коридор больницы. Мимо прошла пожилая женщина в белом халате, бросив на меня любопытный взгляд. Я проигнорировал её. Её сознание было простым, как лужа, в нём не было ничего, кроме бытовых забот и лёгкого любопытства к незнакомцу.

Но Эмма... Эмма была другим. Океаном, лишь тронутым льдом на поверхности, а под ним — буря. Буря, которую я вызвал к жизни.

Какой милый, детский бунт. Она не понимает, что её сопротивление лишь разжигает аппетит. Охота — это не только погоня и захват. Это и наблюдение. Игра. Наслаждение каждым вздохом добычи, каждым её отчаянным рывком.

Она назвала меня «демонюкой».

Никто, *никто* за последние тысячелетия не позволял себе подобного.

Она права в одном — я не прошу. Я никогда не прошу. Но я и не требую немедленной капитуляции. Нет. Я дам ей наиграться в её иллюзию свободы. Позволю ей думать, что она может отстоять свой маленький мирок.

Потому что когда она наконец поймёт тщетность своих усилий, когда её гордыня будет сломлена не моей силой, а её собственным бессилием... вот тогда она станет по-настоящему моей. Не из-за пророчества или печати. А потому, что ей больше некуда будет бежать.

Пусть пока пачкает руки. Пусть лечит своих смертных. Это не имеет значения. Время работает на меня. Оно всегда работало на меня.

Да, пусть злится. Пусть бунтует. Это лишь сделает её окончательное падение слаще. А я подожду. У меня есть вечность.

И каждая её секунда отчаяния будет принадлежать мне.

Портал сомкнулся за моей спиной, отсекая запах антисептика и остатки её яростной ауры. Я оказался в своём кабинете. Вернее, в том, что служило ему на этом уровне реальности.

Снаружи это был ничем не примечательный бизнес-центр в одном из небоскрёбов Москвы. Стекло, сталь, спешащие на переговоры люди в дорогих костюмах. Идеальная маскировка. Но за потертой дверью с табличкой «Служба логистики» открывалась иная реальность.

Мой личный контрольный пункт. Пересечение границы. Одна из многих щелей между Адом и Землёй, что находились под моим надзором. Часть моих бесчисленных обязанностей — регулировать поток грешных душ, контрабанды магических артефактов и... отлавливать тех, кто пытался проскользнуть туда или обратно без разрешения.

Сегодняшняя встреча оставила во мне странный осадок. Не гнев. Скорее... невысказанная энергия, требующая выхода. Её дерзость, её попытка противостоять мне, как ни парадоксально, пробудила во мне не желание немедленно сло-

мить её, а нечто иное. Древний, почти забытый инстинкт охоты. Но сейчас мне требовался более прямой способ сбросить напряжение.

Я прошёл через анфиладу залов, где низшие клерки-демоны в человеческом обличье склонились над магическими консолями, отслеживая энергетические всплески и миграцию душ. Они замирали, едва замечая меня, их страх был густым и сладким, как патока. Я не обратил на них внимания.

Мой путь лежал вниз, в Зал Расплат. Это было моё любимое место в этом комплексе. Пространство, где я мог... расслабиться. Дверь в Зал была отлита из закалённого грехами обсидиана. Она отворилась беззвучно, впуская волну звуков — отчаянных криков, рыданий и сухого, методичного скрежета. Воздух был густым от запаха страха, пота и сожжённой плоти.

В центре Зала, прикованный к массивному блоку, изъеденному рунами, извивался преступник. Некогда могущественный некромант, попытавшийся контрабандой провести в мир живых легион призраков. Глупец. Его душа, искажённая магией и сомнением, пылала передо мной яркой, грязной свечой.

Он увидел меня. Его глаза, полные безумия и боли, расширились.
— Самаэль! Пощади! Я... я всё отдам! Все знания!

Я медленно снял с себя человеческий облик, как стесняющую одежду. Тень от меня вытянулась, крылья из тьмы рас-

правились, наполняя пространство. Я не сказал ни слова.

Гнев — прекрасный инструмент. Чистый, неразбавленный. И сегодня он был особенно острым. Не её дерзость — нет. А та искра чего-то настоящего, живого, что она в себе несла. Та самая искра, что заставляла её бороться за свой жалкий мирок. Она напомнила мне о чём-то, что я давно забыл. Это и есть ключ к моей так называемой душе? Хорошо, буду наслаждаться каждой эмоцией, каждым всплеском. Пророчество говорит о любви? Мне нет до нее дела. Она - единица из миллиона эмоций и чувств. Ненависть, гнев, страх и еще куча других Ее эмоций. Я буду пить каждую с упоением. Их у нее в избытке.

Я протянул руку. Не тронув некроманта, я просто... *сжал* его ауру.

Его крик был не голосовым, а душевным. Вибрацией самой его сущности, которую я растягивал и рвал, как тухлую ткань. Он был всего лишь упражнением. Способом сбросить накопившуюся энергию. Направить первобытную ярость, пробуждённую этой девчонкой, в конструктивное русло.

Это было эффективно. Практично. И, чёрт возьми, приятно. С каждым затухающим всплеском его страданий внутреннее напряжение во мне ослабевало, сменяясь холодным, привычным удовлетворением.

Вот так должно быть всё. Просто. Понятно. Сила. Подчинение. Наказание за неповиновение.

Я отпустил его. Он безжизненно повис в цепях, его душа потускнела, став блеклым, почти неразличимым пятном.

Тишина в Зале снова стала абсолютной, нарушаемая лишь потрескиванием жаровен.

Да. Она может играть в своё сопротивление. Пока у меня есть это. Пока у меня есть вечность, чтобы сломать её. И когда это случится, это будет не просто победа. Это будет... катарсис.

Я развернулся и вышел, снова облачившись в человеческую форму. Предстояло ещё много скучной бумажной работы. Но теперь я был к ней готов.

Глава 8. Напоминание

Смена подошла к концу с ощущением выжатого лимона. Ноги гудели, спина ныла, а в голове стоял оглушительный гул от смеси адреналина, ярости и остаточного ужаса. Я сда-ла дежурство, машинально ответила на прощальное «Хороших выходных!» Линды и вышла на улицу.

Вечерний воздух был прохладным и влажным. Обычный будний день. Если не считать того, что в его середине тебя посетил князь преисподней, чтобы напомнить о своих матримониаальных планах.

Я шла к метро, засунув руки в карманы куртки и город вокруг казался чужим, ненастоящим. Каждый прохожий, каждый огонёк в окне — всё это было частью хрупкой декорации, за которой скрывалась совершенно иная, пугающая реальность. И он, Самаэль, мог в любой момент разорвать этот тонкий занавес и снова появиться передо мной.

Он так легко нашёл!

Это было самым страшным. Не его сила, не его угрозы, а то, с какой лёгкостью он вломился в мой мир. В мою работу. В перевязочную, святое место, где всё подчинено логике и порядку! Амулет висел на груди, холодный и бесполезный, как пуговица. Бракованный какой-то, — с горькой усмешкой подумала я. Или просто бессильный против того, кто, по всей видимости, и был его создателем, или, по крайней мере,

существом того же порядка.

Завтра выходной. Целый день, который можно было потратить на счастливое забытие перед телевизором, Но идея провести его в четырёх стенах, в ожидании нового визита, вызывала тошноту. Нет, так нельзя.

Надо снова в библиотеку...Или все таки посетить Ба...Уже не шутки, а то так и правда утащит в свой Ад, а я даже не прощаюсь.

Я спустилась в метро и на этот раз давка не казалась утешительной. Каждое прикосновение незнакомца заставляло вздрагивать. Я ловила себя на том, что вглядываюсь в лица людей, с иррациональным страхом ожидая увидеть знакомые холодные глаза или белую прядь волос.

Доехала до своей станции как в тумане. Поднялась наверх, зашла в свой дом. Дверь квартиры закрылась за мной с таким же щелчком, как и утром, но ощущения безопасности оно уже не приносило. Я прислонилась к двери, глядя на свой стерильный, функциональный лофт. Он был моим убежищем, но после сегодняшнего дня чувствовался... проницаемым.

Завтра. Завтра я снова поговорю с Ба. А пока... пока нужно было просто пережить эту ночь. И надеяться, что у князей тьмы тоже бывают выходные. Сон накатил на меня, как тяжёлая, чёрная волна, смывая остатки дневного стресса и страха. Но это был не покой. Это была ловушка.

Я стояла в зале, который не мог существовать в реально-

сти. Пол был из отполированного до зеркального блеска черного камня, в котором отражалось несуществующее небо с пурпурными и изумрудными спиралями вместо звёзд. Колонны, вырезанные из гигантских окаменевших костей, упирались в свод, теряющийся в вышине. Воздух был густым и неподвижным, пахнувшим остывшей лавой и дымом. В центре этого немыслимого пространства, на троне, высеченном из цельного куска того же материала, сидел он.

Не в человеческом обличье, каким я видела его в больнице, а в демоническом, втором облике, когда крылья и рога украшали его псевдочеловеческий облик. Его черты были теми же — идеальными и острыми, но масштаб был иным. Он был центром этой вселенной, её осью и законом.

Он улыбнулся. Это не была ухмылка собственника или насмешка. Улыбка была медленной, глубокой, и от этого лишь более пугающей.

— Жена моя, — его голос был тихим, но заполнил собой каждый уголок огромного зала, проник в самую суть моей души. — Ты пришла. Я ждал. Между прочим, соскучился.

Он поднялся с трона. Его движение было плавным и неумолимым, как движение ледника. Он не шагал — пространство сжималось перед ним, приближая его ко мне.

Ужас, холодный и бездонный, сковал меня. Это был сон, но он ощущался реальнее самой реальности.

— Не подходи! — мой крик прозвучал жалко и глухо, потерявшись в грандиозности зала.

Он лишь рассмеялся. Звук был низким и бархатным, и от него по моей коже побежали мурашки.

— Не могу понять, забавная ты или просто отчаянная. — Он был уже в двух шагах. Его взгляд, тяжёлый и всевидящий, скользнул по мне и я почувствовала себя абсолютно обнажённой, лишённой не только одежды, но и мыслей, и самой воли. Инстинктивно я закрылась руками, от чего вызвала только еще одну волну смеха — Мне нравится. С тобой, я чувствую, будет не скучно. И прекрати закрываться, напомню, я уже все видел и запомнил в деталях.

Он протянул руку, не чтобы схватить, а как бы приглашая, предлагая, но в этом жесте была такая уверенность в моём неизбежном согласии, что меня снова затрясло от ярости.

— Я не твоя жена! И я не хочу тебя развлекать! Отстань от меня!

Его улыбка стала шире, в ней читалось наслаждение от моего сопротивления.

— Но ты уже здесь. В моих чертогах. В моём сне. — Он сделал последний шаг, и теперь я чувствовала исходящее от него тепло, странное и притягательное, как жар далёкой звезды. Смушение достигло пика в виде краски на лице. — Ты можешь отрицать это наяву, но твоя душа... твоя душа уже знает, кому принадлежит и пришла сама ко мне.

Его пальцы почти коснулись моей щеки...

Я проснулась. Резко, с одышкой, сердце колотилось где-то в горле. Я сидела на кровати в своей тёмной спальне, вся

в холодном поту.

Комната была пуста, но ощущение его присутствия, тяжести его взгляда и звук его голоса витали в воздухе, как ядовитый дым. Я сорвалась с кровати и почти бегом бросилась в ванную. Сердце выскакивало из груди, по спине ползли ледяные мурашки. Нужно было смыть это. Смыть ощущение его взгляда, звук его голоса, сам запах того кошмарного зала.

Я включила воду, почти не чувствуя рук, и забралась под ледяные, а потом обжигающе горячие струи. Закрыла глаза, прижалась лбом к кафельной стене, пытаясь отдышаться, но за веками не было темноты. Там, в водяных бликах и паре плясали его глаза — холодные, всевидящие, насмешливые и сквозь шум воды я слышала это: тихий, бархатный смех.

Я резко обернулась, сердце замерло.

Он стоял там, прислонившись к косяку двери. Не в демоническом обличье, а в том, в котором видела в больнице — в чёрной футбоке и штанах.

— Уйди! — выдохнула я, инстинктивно прикрывшись руками и отвернувшись к стене душевой кабины — Отвернись! Я голая!

Его взгляд, томный и оценивающий, медленно проплыл по моему телу и ощущался он, как физическое прикосновение. На его губах играла та самая, невыносимая ухмылка.

— Хорошие формы, — произнёс он с невозмутимым видом, словно комментировал погоду.

От этой наглой, животной констатации у меня в груди всё

перевернулось. Стыд, ярость, унижение — всё смешалось в один клубок.

— Я тебя убью! — прошипела я

— Вряд ли, — парировал он, не двигаясь с места. — Но попытки будут восхитительны. Продолжай.

Он скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что собирается стоять здесь и наблюдать столько, сколько захочет.

— Это мой дом! — голос мой срывался на визг. — Убейся!

— Всё, что связано с тобой, имеет ко мне отношение, жена, — ответил он мягко. — Твой дом, твоя работа, твоё тело... — его взгляд снова скользнул по мне, и кожа загорелась, будто от прикосновения. — Всё это в сфере моих интересов.

Я потянулась к полке за шампунем, единственному подобию оружия, но мои пальцы дрожали так, что я едва не уронила бутылку.

— Не смей, — его голос прозвучал тише, но с внезапной сталью. — Не заставляй меня вмешиваться. Или ты наоборот хочешь, что бы я вмешался?

Я замерла. Бутылка выскользнула из пальцев и с глухим стуком упала на дно душевой кабины. Бессилие охватило меня с новой силой. Я не могла убежать. Не могла спрятаться. Даже здесь, в самом интимном пространстве, у меня не было защиты от него.

Мы стояли так, глядя друг на друга сквозь запотевшее стекло и струи воды. Он — спокойный и властный. Я — голая, мокрая и униженная.

— Я не твоя жена, — прошептала я. — Пожалуйста, просто уйди.

Он смотрел на меня ещё мгновение, его выражение лица было нечитаемым. Потом он медленно качнул головой.

— Пока уйду, но скоро я вернусь за тобой, считай, что это уступка тебе за то, что веселишь меня

И растворился. Не вышел за дверь. Просто исчез, как будто его и не было. Только лёгкий запах озона и серы смешался с паром.

— Чёртов извращенец! — выкрикнула я в пустоту, мой голос, сдавленный рыданиями, прозвучал хрипло и громко в маленькой комнате. — Врываться так в ванну! У тебя недо-трах, что ли, поэтому нравится подглядывать за голыми?!

И тут воздух в ванной снова сгустился. Он не материализовался полностью, но его присутствие стало осязаемым, тяжёлым, как свинцовое покрывало. И сквозь шум воды донёсся его голос. Тихий, без эмоций, но от этого лишь более пронзительный.

«Я Князь Соблазна, Эмма. Мне не нужно «подглядывать». Ко мне приходят, ползают, умоляют. Тысячелетиями. Ты — одна из немногих, к кому мне пришлось... явиться самому. И единственная, кто кричит о «недотрахе», сидя на полу собственной душевой.»

Слова повисли в воздухе, наполненном паром. В них не было ни злости, ни насмешки. Была лишь холодная, неоспоримая констатация факта. Я сидела, обняв колени, и его слова эхом отдавались в моей голове.

Я резко встала, выключила воду и накинула полотенце. Дрожь не утихала. Срочно к Ба и пофиг, что ночь.

Глава 9. Осознание

Дрожь не проходила. Она сидела глубоко в костях, эта ледяная вибрация от его присутствия, от его слов, брошенных в пространство моей ванной, как перчатка. «Явиться самому». Будто это была такая честь. Будто мне следовало пасть на колени и благодарить за внимание.

«Нет уж, ублюдок. Спасибо, не надо».

Я натянула на мокрое тело первую попавшуюся одежду — старые штаны и растянутый свитер. Волосы, собранные в мокрый хвост, струйкой воды текли за шиворот. Я не стала их сушить. Мне было плевать. Все мысли свелись к одной, простой и неумолимой, как удар топора: **Сейчас. Прямо сейчас.**

Он сказал: «Пока уйду». Значит, у меня есть время. Секунды? Минуты? Неважно. Я должна была видеть Ба. Последний раз. Прежде чем он снова явится и заберёт меня в свой идиотский ад, превратив в экспонат коллекции под названием «жена».

Я выскочила из квартиры, даже не проверив, взяла ли ключи и телефон. Инстинкт гнал меня вперёд, к единственному месту, которое ещё имело хоть какой-то смысл. К единственному человеку, который знал правду, даже если скрывал её от меня. Ночь была глухой и холодной. Улицы пустынь. Я бежала, не чувствуя усталости, подошвы кедров шлё-

пали по мокрому асфальту. Дождь только что прошёл, и лужи отражали жёлтые пятна фонарей и моё перекошенное от страха отражение.

Её дом стоял на самой окраине, там, где город сдавался, уступая место чахлому лесу и старому кладбищу. Не избушка на курьих ножках, конечно — Ба давно адаптировалась. Обычный, покосившийся бревенчатый домик с резными наличниками. Но воздух вокруг него всегда был другим — густым, пахнущим сушёными травами, грибами и старой, дремучей силой. Порог её дома был границей между мирами. И сейчас мне нужно было её пересечь.

Я влетела во двор, споткнувшись о старую кадушку, и с силой забарабанила в дверь. — Ба! Ба, открой! Это я! — мой голос прозвучал хрипло и срывающе.

Изнутри послышалось шарканье, бормотание, потом щелчок замка. Дверь приоткрылась, и в щели показалось морщинистое, как печёное яблоко, лицо. Бабушкины глаза, маленькие и пронзительные, как бусинки, мгновенно проткнули ночную мглу и уставились на меня.

— Эмма? Дитяtko, что случилось? В такую пору... — её голос был хриплым от сна, но в нём тут же появилась стальная струнка тревоги.

Она распахнула дверь шире, и я ввалилась внутрь, едва не сбив её с ног. Запах дома обволок меня — сушёная мята, полынь, тёплые печёные яблоки и что-то неуловимо древнее, «бабушкино». Обычно он успокаивал. Сейчас он лишь

подчёркивал, как далеко я откатилась от этой простой, защищённой жизни.

— Ба, — я схватила её за руки, тонкие и жилистые, как корни старого дерева. — Ба, ты была права. Всё. Всё правда.

Я заговорила. Слова вылетали бессвязным, горячим потоком. Про «Перекрёсток», про демона, который назвался Сэмом, про первую ночь, боль, его истинный облик, имя — Самаэль. Про книги в Запретном фонде, про «истинную пару» и печать судьбы. Про его визит в больницу, про сон, про то, как он стоял в ванной и смотрел... Всё. Я вывалила на неё этот ком грязи, ужаса и абсурда, не давая перевести дух.

Ба слушала молча. Не перебивала. Её лицо становилось всё строже, морщины вокруг рут затягивались в тонкую, белую ниточку. Её пальцы сжали мои так сильно, что кости захрустели.

Когда я закончила, в избе повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в печи. Ба отпустила мои руки, медленно, будто каждое движение давалось ей с трудом, развернулась и пошла к старому дубовому столу. Она достала из потайного ящика глиняную кружку, налила в неё чего-то тёмного и терпко пахнущего из берестяного туеска и протянула мне.

— Пей. Не вздумай нюхать.

Я выпила залпом. Жидкость обожгла горло, спустилась в желудок тяжёлым, тёплым шаром и начала расползаться по телу, притупляя дрожь. Это был не алкоголь. Это было что-

то другое. Сильное.

Ба опустилась на лавку рядом, тяжело вздохнув. В её взгляде не было ужаса, которого я боялась. Там была печаль. Глубокая, старая, как сами миры.
 — Так он всё же нашёл, — прошептала она, больше себе, чем мне. — Пророчество... Я надеялась, оно ошиблось. Или что тебя пронесёт. Скрывала твою силу, прятала тебя среди людей... Всё зря.

— Ба, что это за пророчество? Что значит «истинная пара»? — я придвинулась к ней, вцепившись в рукав её старого ватника. — Ты знала! Ты всегда знала, кто я!

— Знать-то знала, дитяtko, — она кивнула, её взгляд стал отстранённым, ушедшим в прошлое. — Род твой, Эммануэль Дионис, древний. Не от драконов, нет. От тех, кто ходил меж мирами, когда миры только рождались. Вы — хранители дверей. Последние в роду. А твоя сила... она не просто для телепортов. Она — ключ. К нему.

Она произнесла последнее слово с таким отвращением, что я снова почувствовала холодок по спине.
 — К нему? К Самаэлю? Какой ключ? К чему?

— Ключ к дверям миров. В этом твоя сила. И в этом твоя беда. Его интерес к тебе — интерес к артефакту. Самому могущественному, что он мог найти.

Она помолчала, собираясь с мыслями, выбирая слова, которые не разобьют окончательно, но и не дадут надеяться на чудо.
 — «Истинная пара»... — она произнесла это с отвращением. — По ихним меркам, может, так и есть. По воле

Вселенной ты теперь связана с ним. И да, скорее всего, эта связь... она не только про пространство. Она про душу. Твоя — живая. Его — мёртвая, скрюченная, но... в ней есть место. Пустое. Ты можешь быть ключом и к ней. К тем ощущениям, что у него отняли или что он сам выжег. К эмоциям. К чувствам. Вот тебе и «истинная пара» по-демонически: ты — отмычка к его собственной пустоте.

Она встала и подошла вплотную, взяв моё лицо в свои шершавые ладони. Её взгляд стал пронзительным, почти жестоким в своей правоте.
 — Слушай меня теперь, девочка, и запомни на всю свою, уж прости, вероятно, долгую жизнь. Он не полюбит тебя. Не ищи в его глазах того, что ищут человеческие девки. Там нет любви. Там может быть одержимость. Жажда обладания. Интерес к диковинке. Может, даже какая-то своя, кривая, демонская нежность. Но не любовь. Никогда. Забудь это слово, когда думаешь о нём.

Я попыталась отвести взгляд, но её пальцы мягко, но неумолимо вернули его к себе.
 — И чёрта с два, слышишь, чёрта с два не влюбляйся в него сама. Он красив. Он могущественен. Он будет искушать не только твоё тело, но и эту твою глупую, жаждущую чуда душонку. Не поддайся. Это ловушка. Самая страшная из всех. Он сожрёт тебя, если почувствует, что ты начала ему верить. Твоя сила — в твоём «нет». В твоей ярости. В твоём страхе, если надо. Но не в надежде его изменить.

Она отпустила меня и отступила на шаг, словно давая

пространство для этого страшного урока.
 — Он придёт. И он попытается забрать. Ты не сможешь диктовать условия, детка. Не та сила. Но ты можешь не сдаваться. Можешь не подчиняться. Можешь быть неудобной. Грубой. Колючей. Пусть каждый шаг к тебе будет для него как по битому стеклу. Используй то, что дала Вселенная — эту свою дурацкую связь. Пусть чувствует через неё не покорность, а свою собственную... недостижимость. То, что даже имея ключ, он не может открыть тебя насильно. Это — твоя единственная победа. Единственное, что может заставить его хоть на секунду остановиться и задуматься.

Ба вздохнула, и в этом вздохе была тяжесть тысячелетий.
 — А теперьними эту игрушку, — кивнула она на амулет. — И встреть его с открытым лицом. Без фальши. Пусть видит, с кем имеет дело. Не с драгоценностью. А с проблемой. С самой сложной проблемой за всю его долгую жизнь.

Я медленно подняла руку к шее. Сердце колотилось, но уже не от паники, а от холодной, чистой решимости. Я потянула за шнурок. Он порвался с тихим, таким громким в тишине избы, щелчком.

Амулет упал на пол.

И мир... схлопнулся и переродился.

Не взрывом, а беззвучным, всепоглощающим гулом. Я ощутила не пространство, а его швы, разрывы, тонкие места. И я ощутила Его. Не где-то далеко. Он был уже здесь, в

самой ткани реальности вокруг бабушкиного дома. Его присутствие было не вниманием — оно было заявлением. Тихим, неумолимым, абсолютным. Как закон физики. Как гравитация. Он не шёл. Он уже был. И теперь просто проявлялся.

Воздух в избе стал тяжёлым, пахнущим озоном перед бурей и холодным камнем глубин.

Ба вздрогнула, её глаза метнулись к окну, за которым сгустилась тьма, чернее ночной.
— Он здесь, — просто сказала она. — Помни, что я сказала. Никаких иллюзий. Только правда.

Я встала. Ноги держали. Я подошла к двери, положила ладонь на холодное дерево. С другой стороны чувствовалось... ожидание. Нетерпеливое. Властное.

Я — Ключ. Он — Владелец. Истинная пара по воле слепой Вселенной.
Ладно. Посмотрим, насколько прочен этот «брак».

Я толкнула дверь, и холодный ночной воздух ударил в лицо. Но я замерла на пороге, обернувшись. Слова вырвались сами, тихие и натянутые, как струна:
— Ба... а родители? Ты так и не рассказала...

Она стояла посреди горницы, и в свете мигающей лампы её лицо стало похоже на древнюю, потрескавшуюся маску. Приближение Самаэля отступило на второй план перед этим внезапным вопросом. В её глазах мелькнуло нечто пустое и страшное — не горе, а леденящий ужас.

— Убили, — выдохнула она, и слово упало в тишину как камень в колодец. — Охотник.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.
 — Какой охотник? Кто?

Ба медленно покачала головой, её взгляд ушёл в прошлое, в то, от чего она десятилетия пыталась спрятаться и спрятать меня.
 — Не знаю кто. Оно охотилось на твой род, Эмма. На Ходячих. Выслеживало. И когда находило... выкачивало силу до последней капли, оставляя лишь пустую оболочку. Как выжатый лимон. Твои родители... твоя мать... они были сильными. Попытались дать отпор. Исчезли на три дня. Потом я нашла их... здесь, на пороге. Тебя, живую, полугодовую, завернутую в плащ отца. И их... — голос Ба сорвался. — Пустых. Дышащих, с открытыми глазами, но пустых. Ни мысли, ни души, ни силы. Через неделю их тела развеялись прахом.

От её слов внутри всё превратилось в лёд. Я думала, я — последняя Ходячая потому, что род вымер. А оказалось — вырезали.
 — И... этот охотник? Он ещё...
 — Не знаю, — резко оборвала Ба. — С тех пор ни слуху, ни духу. Может, насытился на время. Может, истребление было почти полным. А может... — её взгляд, тяжёлый и полный вины, упёрся в меня, — ...может, ждёт, когда последний ключ, ты, наберётся силы, чтобы сделать из тебя самый ценный трофей. Я скрывала тебя, Эмма. Не только от демонов. От всего мира. Надеялась, что если ты будешь слабой, если

твоя сила не проснётся... оно тебя не почувт.

Она сделала шаг вперёд, и её пальцы впились мне в плечи.
 — А теперь твоя сила раскрылась. И на тебя вышел не охотник... а муж. Не знаю, что хуже. Но знай: у тебя не просто судьба «истинной пары». У тебя над головой две гири. Он, который хочет тебя иметь. И Оно, которое, быть может, ещё хочет тебя уничтожить. И я не знаю, какая из этих угроз страшнее.

За окном тьма сгустилась окончательно. Воздух затрепетал, и в нём проступили очертания — высокие, могущественные, не терпящие более промедления. Ба отшатнулась от меня, её лицо побелело.
 — Он здесь. И теперь он знает всё, что слышал. — Она посмотрела на меня с выражением, в котором была и жалость, и усталость, и чёртова гордость. — Встречай своего «мужа», внука. И молись, чтобы его интерес оказался сильнее, чем у того... охотника. Потому что под крылом архидемона — возможно, единственное место, где у тебя есть шанс выжить.

Она оттолкнула меня к открытой двери, в чёрную, живую от демонического присутствия ночь. Я стояла на пороге, разрываясь между прошлым, только что обрётённым и оказавшимся кошмаром, и будущим, которое приближалось с тихим скрипом замерзающей земли.

Родителей убили. На меня охотились с рождения. А теперь за мной пришёл муж-архидемон. Кажется, моя жизнь только что стала ещё на один слой адовее.

— Самаэль, — выдохнула я его имя, впервые вслух обращаясь к нему. Не «Сэм». Его истинное имя. Оно обожгло губы.

На его идеальных губах не было улыбки. Его лицо было маской спокойной, ледящей власти, но в глубине золотых глаз вспыхнула искра — не гнева, а живого, хищного интереса.
— Ты сняла пелену, — произнёс он, и его голос был ровным, как поверхность горного озера. — И позволила Хранительнице вложить в твою голову её правду.

Он сделал лёгкий, почти незаметный наклон головы в сторону избы. Жест не уважения, но признания. Признания силы, границ, древнего права.
— Баба Яга всегда была... красноречива в своих предостережениях. Она растила тебя. Её мнение имеет вес. — Он сделал паузу, его взгляд, тяжёлый и неумолимый, вернулся ко мне. — Но её правда — не единственная. И её страхи — не мои.

Он говорил не свысока, а констатируя факт, как два полководца перед битвой обсуждают расположение войск. Это было в тысячу раз страшнее любой насмешки.
— У тебя есть вопросы, — продолжил он. — Это разумно. Ключ должен понимать, в какой замок его вставляют. Задавай.

Его спокойствие, эта уверенность, что он контролирует всё, включая сам факт этого разговора, взбесила меня ещё сильнее. Он не просто демон-хулиган. Он — империя. Холодная, расчётливая, вечная. И я была... спорной территорией.
— Почему я? — выпалила я первое, что пришло в

голову. — Из всех во вселенных, почему твоей... «истинной парой» оказалась я? Просто потому что я Ходячая?

Он медленно покачал головой, и в его взгляде заиграл холодный, расчётливый огонёк. — Ты — последняя Ходячая. В тебе сконцентрирован потенциал всего твоего рода. Ты не просто ключ, Эмма. Ты — исключительный ключ. — Он сделал лёгкую паузу, давая словам осесть. — А что до «пары»... Вселенная обладает чёрным юмором. Она дала мне не просто инструмент. Она дала... вызов. Интригу. Тебя. Спротивляться этому так же бессмысленно, как сопротивляться приливу. Куда интереснее... плыть по его течению.

Он сделал шаг вперёд, сократив дистанцию. — А теперь, раз уж ты сняла все свои защитные игрушки и вышла на разговор... — его голос снизился, стал бархатным, обволакивающим, — ...неужели не обнимешь своего мужа? После такой долгой разлуки?

В его тоне не было ни наглой похоти, как в больнице, ни властного приказа. Это был флирт. Тонкий, опасный, играющий на самой грани между насмешкой и обещанием. Он проверял не только мои границы, но и мою реакцию на эту новую, более изощрённую игру. Предлагал не просто контакт, а признание связи. Мол, если ты согласилась на «брак», вот тебе первое супружеское право.

Вся ярость во мне сжалась в маленький, раскалённый шар. Он не лез напролом. Он *соблазнял*. И от этого стало ещё

страшнее.
 — Обнимают — по желанию, — отрезала я, не отступая. — А не по долгу службы или по приказу Вселенной. И уж точно не того, кто считает объятие трофеем.

Уголок его рта дрогнул. Мне показалось, ему понравился ответ.
 — Прямо как дикобраз. Колючая. — Он склонил голову набок, изучая меня. — Это хорошо. Дикобраза сложно проглотить, не уколовшись, но от этого он не становится менее желанной добычей.

— Я не добыча.
 — Нет? — он мягко парировал. — А кто же тогда? Сожительница? Компаньонка? — Он сделал ещё микроскопический шаг, и я почувствовала исходящее от него тепло. Не человеческое. Более глубокое, как тепло от раскалённого камня. — Жена, которая отказывается от элементарных супружеских ласк... это как ключ, который не хочет поворачиваться в замке. Бесполезная красивая вещь.

Его слова били точно в цель. Он брал мою же логику («жена», «ключ») и выворачивал её против меня.
 — Может, замок не тот, — бросила я, чувствуя, как закипаю. — Может, ключ ищет, куда бы его вставить *сам*, а не ждёт, пока его схватят и начнут тыкать во все дырки подряд.

Впервые за весь разговор в его глазах вспыхнуло нечто похожее на искреннее, живое удивление, быстро сменившееся ещё более острым интересом.
 — Ого, — тихо выдохнул он. — Хочешь перенять инициативу? — Он откинул голову назад и рассмеялся. Тихий, низкий смех, от которого по моей коже побежали мурашки. — Ну что ж, жена. Ты продол-

жаешь меня удивлять. Договорились. Ты получишь свои ответы. А я... я получу удовольствие, наблюдая, как ты пытаешься взять в свои руки то, что по силам лишь мне. — Его взгляд стал томным, обещающим. — Это будет захватывающе. Для нас обоих.

Он отступил на шаг, разрывая сгустившееся между нами напряжение. Жест был уступкой, но чувствовалось, что контроль по-прежнему у него.
 — Итак, первый вопрос, который на самом деле волнует тебя, — сказал он, и его голос снова стал деловым, хотя в глубине глаз тлела та самая опасная искра. — Спроси. Пока я в настроении отвечать.

Я сглотнула, пытаюсь собрать мысли в кучу. Его флирт, эта игра, сбивали с толку, смешивали страх с чем-то другим, тёмным и запретным.
 — Охотник, — выпалила я. — Тот, что убил моих родителей. Ты знаешь, кто это?

Всё веселье мгновенно исчезло с его лица. Оно стало каменным, холодным, как сама ночь вокруг. Но не просто холодным — в нём вспыхнуло что-то острое, первобытное. **Ненависть.** Такая старая и глубокая, что казалась частью самого ландшафта его души.
 — О, — произнёс он, и этот звук был похож на скрежет обсидиана по кости. — Так она рассказала и об этом. — Он помолчал, его взгляд стал отстранённым, смотрящим сквозь века, в какое-то давно забытое проклятое прошлое. — Да, я знаю. И это... единственное существо во всех мирах, которое может заставить меня забыть о правилах и этикете.

Он перевёл на меня тяжёлый, пронзительный взгляд.
— Его имя — Абаддон. Когда-то он был... одним из нас. Архидемоном. Князем Бездны. Но он пресытился адской иерархией. Счёл её слишком тесной, слишком... предсказуемой. Он жаждал не власти над легионами, а власти над самой первозданной силой. Он отверг свой трон, разорвал узы и растворился в мирах. Не для того, чтобы творить добро, — здесь в голосе Самаэля прозвучало ледяное презрение, — а чтобы стать пожирателем. Охотиться на редкие, чистые виды магии. Высасывать их до дна, чтобы питать свою вечную, ненасытную жажду. Твой род... Ходячие... были для него величайшим деликатесом. Источник силы пространства. Последний, недопитой глоток которого — ты.

От его слов по коже пополз ледяной пот. Это был не безликий ужас. Это был конкретный, именной кошмар. Бывший архидемон. Сильнее? Слабее? Но явно — иной.
— И он... всё ещё охотится?
— Он спит, — ответил Самаэль, и в его глазах вспыхнуло что-то, отдалённо напоминающее удовлетворение хищника. — После того, как он «обработал» твоих родителей и других твоих сородичей, он насытился на долгое время. Но твой пробуждённый ключ... твоя сила, раскрывшаяся на полную, когда ты сняла амулет... — Он сделал паузу, и его взгляд стал оценивающим. — Это может разбудить его. Как звонок к обеду. Абаддон ненавидит шум. И обожает... изысканные блюда.

Он снова посмотрел на меня и теперь в его взгляде, ря-

дом с ненавистью к сопернику, читалось что-то иное. Собственнический интерес.
 — Видишь ли, жена, — его голос снова приобрёл тот опасный, бархатистый оттенок, — теперь у тебя появилась не просто одна проблема. Их две. И одна из них, возможно, хочет тебя просто использовать. А другая... — он позволил на губах появиться тому самому, тонкому, хищному подобию улыбки, — ...другая хочет тебя иметь. И я, в отличие от того изгнанного гурмана, не собираюсь высасывать из тебя силу. Я собираюсь ею обладать. А для этого тебе нужно быть живой, здоровой и... благосклонной. Что, как ни крути, делает меня на данный момент твоим лучшим, если не единственным, союзником.

Он протянул руку уже не для объятий, а в жесте, предлагающем сделку. Самую чудовищную сделку в мире.
 — Иди со мной. Не как пленница. Как... жена под защитой. Я научу тебя контролировать твой ключ. Спрячу твой след от Абаддона. А ты... ты откроешь для меня те двери, которые были заперты с момента его падения. Симбиоз. Настоящий брак по расчёту. Что скажешь?

Я стояла, разрываясь между двумя безднами. Одна — безликий охотник из прошлого, пожиратель душ. Другая — архидемон передо мной, предлагающий брак с дьяволом в обмен на защиту. Выбор между кошмаром и... другим кошмаром, который, по крайней мере, называл меня женой и предлагал научить владеть собственной силой.

Ветер свистел между надгробиями, и казалось, он выкри-

кивал имя: *Абаддон... Абаддон...*

— А если я откажусь? — прошептала я, уже зная ответ.
— Тогда, — Самаэль опустил руку, и его лицо снова стало непроницаемой маской, — я буду с интересом наблюдать, как долго ты продержишься, когда Абаддон придёт за своим десертом. И я приду уже после. Чтобы забрать то, что от тебя останется. Ключ, пусть и потрёпанный, всё ещё ключ.

Он повернулся, будто собираясь уйти, раствориться в ночи. Но замер, бросив через плечо:
— У тебя есть до рассвета, чтобы решить. В моих чертогах или здесь, на пороге своей могилы. Выбирай, жена.

— Ты циничный! — вырвалось у меня, сдавленный, хриплый крик, который разорвал мёртвую тишину кладбища. Это было не возражение на его логику. Это был плевок в лицо всей его холодной, вселенской рассудительности.

Он обернулся. Медленно. Его золотые глаза сузились, но не от гнева. Скорее, от... живого, острого любопытства. Как учёный, увидевший неожиданную реакцию в пробирке.
— Циничный? — он повторил, растягивая слово. — Нет, Эмма. Я прагматичный. Цинизм — для тех, кто разочаровался в идеалах. У меня их никогда не было. Я оперирую фактами. Реальностью. Ты — ключ. Абаддон — охотник за ключами. Я — тот, кто может тебя защитить. В обмен на доступ к твоим способностям. Это не цинизм. Это математика. Чистая и простая.

— Ты предлагаешь мне выбрать между двумя видами раб-

ства! — голос мой дрожал от ярости и бессилия. — Это не выбор! Это... издевательство!

— Всё есть выбор, — парировал он мягко, но беспощадно. — Даже отказ выбирать — это выбор. Ты выбираешь быть жертвой. Или ты выбираешь быть... стратегическим активом. С защитой, образованием, властью над собственной судьбой, пусть и в рамках нашего... союза. — Он снова сделал тот микроскопический шаг вперёд, и его присутствие снова стало физическим грузом. — Ты называешь это цинизмом? Назови. Но пока ты ищешь моральную чистоту в учебниках по этике, Абаддон ищет тебя по следу твоей же силы. И он не будет предлагать тебе контракты.

Он был прав. Чёрт возьми, он был ужасающе прав. И от этого хотелось либо зарыться в землю, либо ударить его. Я выбрала третье.
— А если я научусь сама? Защищаться? Справляться с этой силой без тебя?

В его глазах промелькнуло что-то похожее на... одобрение? Нет, скорее, на уважение к дерзкому плану.
— Тебе понадобятся столетия, — отрезал он. — И учитель, которого не существует. Баба Яга может прятать. Но учить контролировать *это*? — Он махнул рукой, словно указывая на ту бурлящую во мне мощь, которую я только начала ощущать. — Нет. Для этого нужен тот, кто понимает природу силы на том же уровне. Кто сам — её воплощение.

— Ты.
— Я, — подтвердил он без тени ложной скромности. — Твой муж. По иронии судьбы или по её выс-

шему замыслу — твой идеальный наставник. И твой единственный щит.

Он снова протянул руку. На этот раз не для флирта, не для сделки. А как жест, завершающий спор.
 — До расвета, Эмма. Прими свою судьбу с открытыми глазами. Со всем её цинизмом, прагматизмом и... возможностями. Или встретить рассвет здесь, в ожидании другой, менее разговорчивой судьбы. Выбор за тобой. Жена.

Я шла по тропинке, пытаюсь хоть как-то упорядочить хаос в голове, когда воздух передо мной снова дрогнул. Он материализовался не впереди, а рядом, в паре шаг, нарушая любое личное пространство.

— Ну так что, — его голос прозвучал прямо у моего уха, низкий и насмешливый, — обнимешь мужа? А то секс был, а обнимать не обнимаешь.

Я обернулась, готовая к очередному раунду словесного фехтования.
 — Может, мне сразу упасть перед тобой на колени? — парировала я, копируя его томную интонацию. — Или ещё чего? Цветы принести? Просить руки и сердца, как положено у смертных?

Я ждала изумления, вспышки интереса. Но вместо этого его губы растянулись в медленной, осознающей улыбке. Золотые глаза сузились, изучая моё лицо с новым, пронзительным вниманием.

— О, да, — прошептал он, и в его голосе зазвучало тёплое, опасное понимание. — Ты гордячка. Скорее сексом зай-

мёшься, чем просто обнимешь, да? Я запомнил.

И он рассмеялся. Тихо, бархатно, но в этом смехе было столько интимного знания, столько намёка на ту ночь, что у меня по щекам разлился предательский, жгучий румянец. Я покраснела. От злости, от стыда, от того, как ловко он вывернул мою же дерзость против меня, превратив в похабный намёк.

— Я не это имела в виду! — выпалила я, и мои уши горели.

— Конечно, нет, — согласился он, но его взгляд говорил обратное. Он шагнул ещё ближе. Его палец приподнял мою голову за подбородок, вынуждая встретить его взгляд. — Но твоё тело, твоя реакция... они помнят. И я помню. Каждый твой вздох. Каждый стон. Кадую дрожь. — Его голос стал тише, превратившись в опасный шёпот. — Ты можешь кричать на меня, можешь колотиться словами, но эта связь... она не только в душе. Она в плоти. И ты это знаешь.

Моя ярость билась внутри, как птица в клетке, но смешивалась с тем самым воспоминанием, от которого становилось жарко и стыдно. Он был прав. Чёрт его побери, он был прав. Я могла отрицать всё на свете, но не физиологию той ночи.

— Это нечестно, — прошептала я.
— А кто сказал, что я играю честно? — он убрал палец, но его взгляд продолжал меня держать. — Я демон, Эмма. Искушение — моя природа. И ты... ты самое сложное и самое вкусное искушение за всю мою вечность. Так что да, я буду использовать всё.

Логику. Угрозы. И... это. — Он сделал лёгкий жест между нами. — Потому что знаю, что это работает. Ты краснеешь. Ты дышишь чаще. Ты живая. И ты моя.

Он отступил на шаг, разрывая напряжение, которое сам же и создал.
— До рассвета, — повторил он, но теперь в этих словах был новый, тёмный оттенок. Не просто дедлайн. Это было обещание. Обещание того, что если я выберу его, то наша «супружеская жизнь» будет состоять не только из переговоров о силе и охотниках. В ней будет и это. Опасное, порочное, неотразимое влечение, против которого у меня не было ни защиты, ни иммунитета.

— Подумай, жена, — его последние слова повисли в воздухе, прежде чем он растворился.

Я осталась стоять, прижав ладони к горящим щекам, пытаясь заглушить стук сердца.

От этой наглости я захлёбывалась. Воздух словно стал густым и липким, как сироп, его невозможно было вдохнуть полной грудью. Самовлюбленный демонюка! Слово вертелось на языке, острое и ядовитое, но даже его было недостаточно.

Объятий и секса ему подавай! Как будто я — автомат по выдаче телесных утех по первому его бархатному намёку. Как будто всё, что было между нами, можно свести к этой... этой потребности. Сначала — взять, пометить. Теперь — добиться ответной реакции, пусть даже через унижение и провокацию. Заставить меня краснеть, дрожать, вспоминать. За-

ставить моё тело предать меня, пока разум кричит о ненависти. Он не просто хотел ключ. Он хотел всё. Мою силу, моё подчинение, мои эмоции — даже самые грязные и постыдные. Хотел, чтобы я сама, добровольно, отдавала ему кусочки себя, пока от меня не останется лишь удобная, преданная оболочка, готовая открывать для него любые двери и... обнимать по первому требованию.

Я схватилась за холодный камень ближайшего надгробия, пытаюсь устоять на ногах. Внутри бушевал ураган: ярость, страх, стыд и... самое гадкое — осадок от того, как ловко он это сделал. Как мастерски надавил именно на ту самую болезненную точку. Он был непобедим не потому, что силен. А потому, что бесстыден. У него не было тех внутренних барьеров, тех «нельзя» и «неприлично», которые сковывали меня. Он использовал всё, как оружие. Даже мою собственную физиологию.

Да он просто... извращенец! Хотел, чтобы я «подумала» об этом? О его руках, его губах, о том, как моё тело откликалось на него, даже сквозь боль и страх? Хотел, чтобы я сама, в тишине, начала вспоминать и... и хотеть этого снова?

Я посмотрела в сторону бабушкиной избы, где теплился огонёк. Туда, где был простой мир трав, заговоров и старой, строгой любви, которая теперь казалась таким хрупким убежищем. Убежищем для ребёнка. А я ребёнком быть больше не могла.

А потом обернулась к той пустоте, где только что стоял он.

К миру вечной ночи, власти, опасности и... этого невыносимого, всепоглощающего внимания, от которого горела кожа.

До рассвета.

Я медленно выпрямилась, оторвала ладони от холодного камня. Дрожь в руках понемногу утихала, сменяясь странным, ледяным спокойствием. Решение созрело не как вспышка, а как тихое, тяжёлое опускание щебня на дно. Развернулась и твёрдой походкой, не оглядываясь, пошла прочь от кладбища, от избы, в сторону пустынной дороги, ведущей к шоссе и дальше — к городу. К моей квартире. К моей последней крепости, которая уже не была убежищем, а стала просто... точкой отсчёта.

Мне нужно было побыть одной. Не под бабушкиным крылом, а в своём пространстве. Переварить этот ядовитый коктейль: Абаддон, охотник. Самаэль, муж-архидемон. Моя сила — ключ. И эта чёртова, унижительная, живая реакция моего тела на него.

Я поймала редкую попутку, молча доехала до своего района. В такси, глядя в тёмное стекло, я чувствовала, как ярость закипает во мне с новой, кристальной силой. Все его бархатные намёки, этот самодовольный блеск в глазах, когда он заставил меня краснеть...

Хренушки!

Слово отстучало в висках в такт ударам сердца. Хватит и того, что девственности с ним лишилась! По глупости, по наивности, поддавшись на его демонический шарм и своему же

отчаянию. Одного раза достаточно, чтобы навеки быть отмеченной его печатью. Больше — ни-ни. Он, наверное, от этой мысли вообще в восторге! У демонов же пунктик на этом... на обладании, на «первенстве». Что он был первым. Что он взял то, что больше никому не достанется. Эта мысль горела во мне, как раскалённый уголь. Пусть тешится. Пусть считает этот трофей своим величайшим достижением. Но это всё, что он получит по умолчанию.

Я вошла в свою квартиру, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Холодный металл двери успокаивал пылающую кожу.
 — В жизни не подпущу его к себе ближе, чем на пушечный выстрел, — прошипела я в тишину лфота. — Никаких объятий. Никаких поцелуев. Никакого... повторения. Объявил меня женой? Отлично. Будет у него жена-соседка по вселенной. Жена, которая с ним разговаривает только на дипломатических переговорах. Жена, у которой болит голова. Вечно. Все мои отведенные 1000 лет.

Я представила его лицо, если я заявлю такое. Эта надменная самоуверенность, наверное, даст трещину. Нет, не даст. Он будет *заинтригован*. Ещё больше. Потому что для существа, привыкшего брать всё силой или обманом, добровольный, холодный отказ на таком базовом, физическом уровне будет... новой игрой. Сложной. Интересной.

Чёрт. Даже мой бунт играет ему на руку.

Я с силой оттолкнулась от двери и прошла к кухне, налила себе стакан ледяной воды, выпила залпом. Но это не помогло

погасить внутренний пожар.

Он думает, что раз печать поставлена, раз наша связь установлена, то теперь всё будет идти по нарастающей? Сначала секс, потом объятия, потом... что там ещё у «истинных пар»? Совместное правление мирами? Рождение маленьких архидемонов?

Ты получил билет в этот «брак». Но доступ в спальню закрыт. Навсегда. Будешь спать на диване в своих чёртовых чертогах и мечтать. Пусть его демонская суть корчится от неудовлетворённого желания. Пусть его пунктик на обладании работает против него. Я — Ключ. И я сама решаю, какие замки отпирать. А доступ к моему телу — этот замок я только что залила свинцом и закопала на самом дне океана.

Я подошла к окну. Город спал. Где-то там он ждал.
— Думай, что хочешь, — прошептала я в стекло. — Строй свои коварные планы, пытайся соблазнить, запугать или переубедить. Но это — моя красная линия. Единственное, что осталось по-настоящему *моим* после всей этой чертовщины. И ты её не перейдёшь. Никогда.

Я сказала это твёрдо. Вслух. Чтобы Вселенная, если она действительно слушала, зафиксировала. Чтобы наша проклятая связь передала ему этот ультиматум. Пусть готовится к браку без секса. От этой мысли я тихо хихикнула в пустом лофте. Звук получился нервным, срывающимся, но в нём была и злорадная искра. Да, именно так.

Я прошла к бару, с силой выдернула пробку из бутылки

виски и плеснула добрую порцию в стакан. Долила колы, не глядя, и залпом выпила половину. Острая, сладковато-горькая жидкость обожгла горло и разлилась внутри тёплым, обманчивым успокоением.

— Вообще-то... — громко сказала я пустоте, поднимая стакан в тост самой себе, — ...вообще-то, любовника заведу. Какого-нибудь симпатичного бармена-оборотня. Или наивного студента-мага. Или, чёрт возьми, даже самого Алексия, раз уж он такой осведомлённый. Пусть мой «законный муж» подавится своей архидемонической ревностью.

Я представила его лицо. Не выражение гнева — он выше таких простых эмоций. А то самое ледяное, смертоносное внимание, которое замораживает кровь. Представила, как он *узнаёт*. Через слуг, через нашу связь, через саму ткань реальности, которая теперь, видимо, была на его стороне. Представила, как он является передо мной, весь из себя величавый и холодный, и произносит что-нибудь вроде: «Это была... плохая шутка, жена».

А я просто пожму плечами. «Не шутка, муженёк. Просто супружеская жизнь. Ты же не ждал, что я буду сидеть и сохнуть в одиночестве, пока ты решаешь свои демонические дела? Особенно если наша «брачная ночь» так и останется единственной в истории?»

От этой картинки мне стало почти весело. Пьяняще, истерично, опасно весело. Это был план самоубийцы. Провокация, которая могла обернуться катастрофой. Но это был

мой выбор. Мой способ сказать «нет» на языке, который он, возможно, поймёт.

Я отпила виски и поставила стакан со звоном. Голова уже начала приятно кружиться, смывая острые углы страха.

— Решено, — объявила я тишине. — Завтра, после того как решу, выживать мне под его крылом или нет, начну поиски. Кандидата в любовники. Чтобы у моего «мужа» было чем заняться, кроме как открывать двери вселенных. Пусть учится... делиться.

Я обернулась, и вся алкогольная бравада мгновенно испарилась, сменившись леденящим ужасом.

На моём диване, в позе полного, расслабленного владения, сидел он. Один его локоть был откинут на спинку, нога закинута на ногу. В руке он держал мой стакан с остатками виски, лениво вращая его. Его золотые глаза горели в полумраке ровным, холодным пламенем.

— Люовника? — повторил он мягко, и в его голосе не было ни насмешки, ни бархатного флирта. Был лёд. Острый, как бритва, и смертельный. — Серьёзно?

Адреналин выжег из меня весь алкоголь. Сердце вжалось в рёбра. Но я стиснула зубы, пытаясь удержать остатки дерзости.
— Да! — выкрикнула я, но голос сорвался.

Он медленно, невероятно медленно поставил стакан на стол. Звук был оглушительно громким в тишине. Потом он поднялся. Он не шагал. Он *надвигался*. Казалось, пространство сжималось, подтягивая его ко мне. Он остановился так

близко, что я чувствовала каждый его выдох на своём лице. Его взгляд пригвоздил меня к месту.

— Только попробуй, — прошептал он. И это был не шёпот. Это было тихое, ясное обещание апокалипсиса. — Только попробуй осквернить нашу связь хоть одним прикосновением другого, и я... — он наклонился, его губы почти коснулись моего уха, а голос стал ещё тише, ещё ужаснее от этой интимности, — ...я на твоих же глазах оторву ему член. Аккуратно. Потом засуну ему в рот. И ты будешь стоять и смотреть, как он захлёбывается, как истекает кровью и бьётся в предсмертных конвульсиях, понимая, что это ты его убила. А потом... — он отстранился, чтобы видеть моё лицо, и в его глазах бушевала настоящая, неконтролируемая тьма, — ...потом, на репите, я заставлю проживать тебе этот момент снова. И снова. И снова. Каждый сон будет начинаться с его крика. Каждое воспоминание о нём будет пахнуть кровью и страхом. Пока ты не будешь молить меня о забвении. И я его не дам. Никогда.

Он говорил без эмоций. Констатируя факт. Как будто описывал погоду. И от этого было в тысячу раз страшнее. Это не была угроза в порыве гнева. Это был закон, который он только что установил.

Я не могла дышать. Не могла пошевелиться. Вся моя дерзость, все планы насчёт «любовников» рассыпались в прах перед этой голой, первобытной жестокостью. Я увидела его настоящего. Не соблазнителя, не переговорщика, а древне-

го, абсолютно безжалостного хищника, для которого я была не партнёром, а собственностью. Самой ценной. И потому самой охраняемой.

— Понимаешь? — спросил он тихо, его палец провёл по моей щеке, и это прикосновение было похоже на поцелуй змеи. — Ты можешь злиться. Можешь ненавидеть. Можешь даже пытаться убежать. Но ты не можешь быть ни с кем, кроме меня. Никогда. Это не ревность, Эмма. Это — защита актива. самого важного актива во всех мирах.

Он отступил на шаг, и давление его ауры чуть ослабло, позволив мне глотнуть воздуха. — Так что выбрось эти глупые мысли из головы, жена. Они опасны. Не для меня. Для всех, кого ты можешь втянуть в эту игру. И для тебя самой.

Он посмотрел на меня ещё мгновение, словно проверяя, проникли ли его слова достаточно глубоко. Увидел ли он в моих глазах тот ужас и слом, которых добивался. Увидел.

— До рассвета, — произнёс он в последний раз на этой ночи. Но теперь эти слова звучали не как предложение, а как приговор. — Выбирай мудро. Потому что выбор «против» меня... будет выглядеть именно так, как я только что описал.

Я стояла посреди своего лофта, дрожа всем телом. В ушах звенело. Перед глазами плясали кровавые образы, которые он так спокойно нарисовал. В носу стоял запах виски, но теперь он вызывал тошноту. Я медленно сползла на пол, обхватив колени. Всё кончено. Все иллюзии. Весь бунт. Он только

что показал мне настоящую цену неповиновения. И эта цена была не моей смертью. Она была чужими муками, которые он заставил бы меня наблюдать снова и снова, пока я не сойду с ума.

Я закрыла глаза, пытаюсь заглушить эхо его голоса, но оно звучало внутри, в самой нашей связи, теперь отравленной этим обещанием.

Любовника? Серьёзно?

Да. Серьёзно. Но теперь я поняла — этот путь вёл не к свободе. Он вёл в ад, который был куда страшнее любого другого. Ад, созданный специально для меня. Рассвет был уже недалеко. И выбор... какого чёрта выбор? Его не было. Был только один способ выжить и не стать причиной чьих-то невыносимых страданий.

Его слова, его ужасающая угроза, ещё висели в воздухе, но теперь сквозь ужас пробивалось нечто другое. Возмущение. Дикое, несправедливое, детское возмущение. Ему, значит, можно! Он, архидемон, князь соблазна, у которого, я уверена на тысячу процентов, есть целый гарем девиц, наложниц и кто знает кого ещё! Он, который столетиями предавался утехам, теперь диктует мне правила целомудрия? Нельзя осквернять нашу связь? Да он её осквернил, едва появившись, своей самой сутью!

Я подняла голову и уставилась в пустоту, где он только что был.
— Лицемер! — прошипела я в тишину. — Ты же сам сказал — «любовь для смертных»! «У меня есть потреб-

ность, интерес, право»! Так где твоё «право» заканчивается и начинается моё? А, «муж»? Или в нашем «брачном контракте» пункт о супружеской верности написан только для жены, мелким шрифтом, а для мужа — жирным: «МОЖНО ВСЁ»?

Я встала, всё ещё шатаясь, но уже не от страха. От ярости, которая придавала сил.
— Так не пойдёт, — сказала я уже твёрже. — Ты хочешь брак? Хочешь, чтобы я была твоей женой, а не просто ключом под замком? Тогда изволь играть по тем же правилам. Взаимность. Или это понятие тоже «для смертных»?

Я подошла к бару, но уже не за виски. Я налила себе стакан воды и выпила его, чувствуя, как холодная жидкость прочищает сознание.
— Гарем распустить, — бросила я в пространство, зная, что он слышит. Через связь, через самую реальность. — Всех своих фавориток и наложниц. Раз и навсегда. Если я не могу иметь никого, то и ты — тоже. Никаких двойных стандартов. Это пункт номер один.

Я сделала паузу, готовая продолжить свой список требований, как вдруг почувствовала знакомое присутствие за спиной. Холодок пробежал по позвоночнику.

Медленно обернулась.

Он стоял в дверном проёме спальни, прислонившись к косяку. На его губах играла не улыбка, а скорее... удивлённо-изумлённая усмешка. Как будто он слушал лепет ребёнка, который пытается объяснить теорию относительности.

— Гарем? — повторил он, и в его голосе прозвучал откровенный, живой смех. Он рассмеялся. Не тихо, а громко, искренне, от души. Звук был красивым, бархатным и невыносимо унижительным. — Ты серьёзно? Ты романов перечитала или фильмов пересмотрела? Любовницы, да, были. И весьма... постоянны. Но, милая моя ревнивая жена, это называется не «гарем», а «светская жизнь». Или, если угодно, удовлетворение базовых потребностей за долгие века ожидания.

Он оттолкнулся от косяка и сделал несколько медленных шагов в мою сторону. Его взгляд стал томным, оценивающим.
— Но, Эмма, — продолжил он, и его голос снизился до опасного, интимного шёпота, — тебе не кажется, что лишение меня... альтернатив, будет автоматически накладывать на тебя их обязанности? Полностью и безоговорочно?

Он остановился в двух шагах, и его глаза медленно, с преувеличенным вниманием, скользнули по моему лицу, шее, груди, вниз и снова вверх. Этот взгляд был физическим прикосновением.
— Если я должен быть верен только тебе, то я буду ожидать, что все мои... потребности... будешь удовлетворять ты. Исключительно ты. День и ночь. Вечно. Готова ли ты к такому... графику, моя строптивая супруга?

От его слов и этого взгляда по мне разлился жгучий, предательский румянец. Я покраснела. Не от стыда за свою глупость, а от внезапного, острого осознания всей глубины этой ловушки. Я потребовала моногамии, не подумав о послед-

ствиях. Для него это не романтический жест. Это контракт на эксклюзивное обслуживание. И он тут же, с присущим ему демоническим остроумием, выставил счёт.

— Я... я не об этом, — выдавила я, чувствуя, как горит лицо.
— А о чём же? — он мягко парировал, делая ещё один микрошаг. — Ты требуешь верности. Я, как законопослушный муж, соглашаюсь. Но верность — улица с двусторонним движением. Ты запрещаешь мне других женщин. Что ж. Значит, вся ответственность за... мое благополучие... ложится на тебя. Это справедливо, не находишь?

Он улыбнулся. Это была не ухмылка победителя. Это была улыбка хищника, который только что заманил добычу в идеально расставленную ловушку её же собственными руками.
— Так что, пересматриваем пункт номер один? Или принимаем его... со всеми вытекающими?

— Но тогда и у меня будет любовник! — выпалила я в ответ, отчаянно пытаюсь вырваться из логической ловушки, в которую сама же и угодила.

Ответ пришёл мгновенно. Не словом. Действием.

Он не двинулся с места. Просто его рука метнулась вперёд — не чтобы ударить, а чтобы **схватить**. Его пальцы впились мне в подбородок, жёстко, без возможности вырваться, и заставили поднять голову, встретив его взгляд.

— Нет.

Это было одно слово. Тихий, ледяной, абсолютный приговор. В его золотых глазах не было ни игры, ни насмешки,

ни томного флирта. Там была только тьма. Бездонная, древняя, не знающая компромиссов воля.

— Ты не поняла, — прошипел он, и его дыхание обожгло мои губы. — Я не веду с тобой переговоры о равноправии. Я объясняю тебе реальность. Ты — моя. Только моя. Никто не имеет права прикасаться к тебе. Никто. Это не обсуждается. Это — закон. Мой закон. Поняла?

Он говорил спокойно, но каждое слово било, как молот. Его пальцы на моём подбородке не причиняли боли, но были железными тисками, напоминанием о его силе.

— Твои «условия» — это блажь, которую я могу потерпеть, если они меня забавляют. Но не более. Ты требуешь верности? Хорошо. Я могу быть верен. Как дракон верен своему золоту. Но это не даёт тебе права раздавать *моё золото* кому попало. Ты — сокровище. А сокровища хранят в целости и сохранности. В одиночестве. И под надёжной охраной.

Он отпустил мой подбородок, но его взгляд продолжал держать.
— Забудь о любовниках, Эмма. Это не просто опасно. Это — невозможно. Потому что я не допущу этого. Никогда. И лучше тебе принять это сейчас, чтобы потом не пришлось хоронить кого-то из-за своей глупой, детской бравады.

Он отступил на шаг, и его лицо снова стало непроницаемой маской, хотя в глазах ещё тлели угли только что проявленной ярости.
— Пункт номер один остаётся. Но с

моей поправкой: верность — обязательна. Для тебя. Для меня — на моё усмотрение, если ты наконец то в полной мере возьмешь на себя роль жены, а не глупого ребенка. Потому что я — архидемон. А ты — моя жена. И некоторые неравенства в нашем браке просто неизбежны. Смирись.

Он повернулся и направился к выходу, но на пороге обернулся.
— И перестань краснеть. Это отвлекает. До рассвета.

И на этот раз он ушёл по-настоящему, оставив меня стоять посреди комнаты с горящими щеками, сжатыми кулаками и с холодным, бесповоротным пониманием: в этой игре у него все козыри.

— Мужлан! — вырвалось у меня вслед ему, в уже пустой лофт.

Слово повисло в воздухе, жалкое, детское, беспомощное против той каменной стены реальности, которую он только что возвёл вокруг меня. Оно не достигало его. Оно даже не было протестом. Это был стон. Стон униженной, загнанной в угол твари, которая уже не может драться, но ещё может шипеть.

Я стояла, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Щёки горели — теперь не от его намёков, а от чистой, концентрированной ярости и беспомощности. Он поставил точку. Жирную, чёрную, демоническую точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.